

П.Е. Смирнов*

«ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ» НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД И ОТНОШЕНИЯ АЛЬЯНСА С РОССИЕЙ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН» (ИСКРАН)
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3*

Одна из важнейших проблем, с которой столкнулась Россия после холодной войны при отстаивании своих национальных интересов, была связана с ее стремлением найти свое место в европейском порядке в условиях доминирования коллективного Запада и его институтов. Североатлантический альянс (Организация Североатлантического договора, НАТО) не только не был распущен после завершения миссии, ради которой он был создан, но и стал принимать на себя новые задачи ради удержания европейских союзников в орбите США. Среди механизмов, которые использует Вашингтон в этих целях, особую роль сразу после распада биполярной системы в Европе стал играть процесс постоянного расширения НАТО, в первую очередь за счет бывших союзников СССР по Организации Варшавского договора. В настоящей статье автор ставит двойную цель: выявить логику эволюции политики НАТО по расширению на восток и оценить ее последствия для самого альянса, а также проследить изменения в официальной позиции российской стороны в контексте реализации этой политики. В первом разделе статьи выделяются основные этапы расширения НАТО в постбиполярный период. Отмечается, что западные страны, рассматривая принцип «открытых дверей» как продолжение политики сдерживания в новых геополитических условиях и получая по мере его реализации конкретные военно-политические дивиденды, в определенный момент осознали невозможность быстрого принятия государств постсоветского пространства в НАТО и переключили внимание на регион Северной Европы. Во втором разделе анализируется реакция России на маневрирование альянса. Подчеркивается, что постепенно обеспокоенность российского руководства возможной маргинализацией страны в евро-атлантических

* Смирнов Павел Евгеньевич — старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН) (e-mail: smi-pavel@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4757-8099).

институтах сменилась политикой силового противодействия принципу «открытых дверей», по мере того как альянс выходил за рамки зоны своей традиционной ответственности. В заключение автор приходит к выводу, что расширение НАТО оказало неоднозначное влияние и на систему европейской безопасности, и на сам альянс. С одной стороны, оно дало США новые возможности для проекции мощи и закрепления статуса гегемона в Европе. С другой стороны, целесообразность и эффективность такой политики на современном этапе ставятся под сомнение коллективным Западом, столкнувшимся с рядом серьезных вызовов как в Европейском регионе, так и за его пределами. В условиях этой неопределенности, по мнению автора, НАТО будет постепенно отказываться от принципа «открытых дверей» в пользу более гибких форматов военно-политического взаимодействия со странами, не являющимися членами блока.

Ключевые слова: Россия, Украина, Центральная и Восточная Европа, постсоветское пространство, США, расширение НАТО, политика «открытых дверей», Европейский союз, постбиполярный период

Для цитирования: Смирнов П.Е. «Открытые двери» НАТО в постбиполярный период и отношения альянса с Россией // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 93–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-93-140.

Pavel Ye. Smirnov

RUSSIA AND NATO'S 'OPEN DOOR' POLICY IN THE POST-BIPOLAR PERIOD

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khlebyny per., 121069, Moscow, Russian Federation*

A major problem for Russia in formulating and defending its national interests after the Cold War was to fit in the European political order, dominated by the collective West and its institutions. The North Atlantic Alliance (NATO) was not dissolved after completing the mission it had been created for; moreover, it started taking on ever new responsibilities to keep the European allies in the U.S. sphere of influence. In this respect, the ongoing NATO enlargement — primarily by accession of the former Warsaw Treaty allies of the USSR — has become one of the key policy tools for Washington after the breakup of the bipolar system in Europe. This study sets a dual goal, i.e. to identify the changing logic of the NATO's eastward expansion and assess its consequences for the alliance itself,

as well as to trace shifts in Russia's official position in the light of these developments. The first section of the article highlights the main stages of the NATO enlargement in the post-bipolar period. The author argues that the Western countries, viewing the 'open door' principle as a next phase of the containment policy under new geopolitical circumstances and reaping tangible security benefits throughout its implementation, realized at a certain point that a swift accession of post-Soviet states to NATO was unattainable, and switched attention to the Nordic countries. The second section analyzes Russia's response to the alliance's maneuvering. The study emphasizes that the concern of the Russian leadership about its possible marginalization in the Euro-Atlantic institutions gradually gave way to resolute actions to counter the NATO's 'open door' policy as the alliance was expanding beyond its purview. The author concludes that NATO enlargement has had an ambiguous impact on both the European security architecture, and the alliance itself. On the one hand, it gave the United States new opportunities to project power and consolidate its hegemonic status in Europe. On the other hand, the viability and effectiveness of this policy are being questioned by a number of serious challenges for the West both in Europe and beyond. Given these uncertainties, NATO will gradually give up the 'open door' principle in favor of more flexible formats of military and political cooperation with non-member countries.

Keywords: Russia, Ukraine, Central and Eastern Europe, post-Soviet space, United States, NATO enlargement, 'open door' policy, European Union, post-bipolar period

About the author: *Pavel Ye. Smirnov* — Senior Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN) (e-mail: smi-pavel@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4757-8099).

For citation: Smirnov P.Ye. 2024. Russia and NATO's 'open door' policy in the post-bipolar period. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 93–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-93-140. (In Russ.)

Принцип «открытых дверей» для любой европейской страны, желающей вступить в Североатлантический альянс (Организацию Североатлантического договора, НАТО) и способной вносить свой вклад в безопасность Северо-Атлантического региона, был закреплен в ст. 10 Вашингтонского договора об образовании НАТО 1949 г.¹

¹The North Atlantic Treaty. Washington, D.C., April 4, 1949 // North Atlantic Treaty Organization. 19.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 20.02.2024).

Начав свою историю в составе 12 государств, подписавших этот документ, альянс в течение 75 лет увеличил количество своих членов более чем в 2,5 раза. При этом подавляющее большинство стран, вступивших в блок после 1949 г., сделали это уже после окончания холодной войны, распада Организации Варшавского договора (ОВД) и прекращения существования СССР.

Фактически первым — после выраженного Советским Союзом намерения закончить биполярное противостояние — сигналом с западной стороны о готовности включить регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в «сообщество западных демократий» стал призыв президента США Дж. Буша-ст. к строительству «Европы единой и свободной», сделанный в мае 1989 г.² Правда, эта концепция не сразу приобрела открыто натоцентристский характер, ведь первоначально основной акцент делался на развитии и институционализации общеевропейских механизмов (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — СБСЕ, впоследствии Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ), а собственно западный «якорь» для экс-социалистических европейских стран мыслился Западом (и даже Вашингтон до 1993–1994 гг. не ставил эту задачу под сомнение) в первую очередь как интеграция в институты Европейского сообщества (с 1993 г. — Европейский союз, ЕС). Идею же приема в НАТО государств, входивших ранее в орбиту советского влияния (равно как и различные варианты этого приема, состав предполагаемых кандидатов), начали открыто обсуждать в США и Западной Европе, в самих странах ЦВЕ уже тогда, когда стала очевидной потребность коллективного Запада обеспечить прочную геополитическую и военно-политическую привязку бывшего социалистического лагеря к единственному оставшемуся в Европе полюсу силы, а это невозможно было сделать лишь с опорой на ОБСЕ и ЕС.

Процесс расширения НАТО после холодной войны выразился в нескольких волнах приема новых членов (1999, 2004, 2009, 2017, 2020, 2023–2024), сопровождаясь одновременно принятием на себя альянсом всё новых миссий (в том числе военных операций за пределами зоны действия ст. 5 Вашингтонского договора о коллек-

² A Europe whole and free: Remarks to the citizens in Mainz. President George Bush. Rheingoldhalle. Mainz, Federal Republic of Germany, May 31, 1989 // U.S. Diplomatic Mission to Germany. August 2001. Available at: <https://usa.usembassy.de/etexts/ga6-890531.htm> (accessed: 21.02.2024).

тивной обороне членов альянса, включающей Европу и Северную Америку³) и строительством партнерских институтов со странами Европы и вне ее, позволяющих втягивать формально ненаатовские государства в орбиту американской (и в целом западной) геополитики и западных подходов к глобальной безопасности.

Принцип «открытых дверей» Североатлантическому альянсу с самого начала пришлось осуществлять с учетом того, что расширение НАТО непосредственно затрагивало безопасность России и ее место в новой европейской архитектуре. Российский фактор в этом процессе за прошедший с тех пор период претерпел значительную эволюцию. Москве ввиду очевидного неравенства политического, экономического и силового потенциала с Западом долгое время приходилось мириться с практически беспрепятственной экспансией НАТО и в целом «атлантизацией» системы безопасности в Европе. Однако во втором–третьем десятилетиях XXI в. стало очевидно, что по сравнению с первым периодом расширения НАТО стратегический контекст, в котором действует альянс, радикально изменился. Стремление России восстановить хотя бы некоторые свои геополитические позиции, возвышение Китая и превращение его в один из главных центров силы в мире, появление вызовов и угроз глобального характера неизбежно заставляют НАТО модифицировать логику, лежавшую в основе первоначальных планов расширения альянса, а фактически «освоения» тех регионов, которые оказались в «серой зоне» в результате распада СССР и ОВД.

Цель данной работы — проследить, как декларируемый НАТО принцип «открытых дверей» осуществлялся после холодной войны, каким оказался практический вклад новых стран-членов в реализацию военно-политических приоритетов США, как Североатлантический альянс пытался решать в данном контексте проблему негативного отношения России к его расширению на восток, как эволюционировали целеполагание и практические действия Москвы (особенно в условиях украинского конфликта) в данной ситуации, как сам блок маневрирует в применении данного принципа к странам, которым были даны обещания о приеме, становящиеся всё менее реалистичными. В основу исследования положен проблемно-хронологический подход, необходимый для понимания того, как и почему Североатлантический альянс принял решение о включении

³ The North Atlantic Treaty. Washington, D.C., April 4, 1949...

в свой состав бывших союзников СССР, почему коллективный Запад на определенном этапе перешел негласно соблюдавшуюся до этого «красную линию» в виде западной границы бывшего Советского Союза и взял курс на прием в НАТО ряда государств постсоветского пространства. Наряду с этим анализируются и основные факторы, предопределявшие как негативное отношение России к принципу «открытых дверей» весь период после холодной войны, так и меняющийся характер реагирования Москвы на реализацию этого принципа.

Данная проблематика стала темой исследований широкого круга специалистов, на которые опирался автор. В работах таких российских экспертов, как А.Г. Арбатов [Арбатов, 2006], В.Г. Барановский [Барановский, 2021], В.И. Батюк [Батюк, 2020], Д.Ю. Глинский-Васильев [Глинский-Васильев, 2000], Ю.П. Давыдов [Давыдов, 2000], М.А. Троицкий [Троицкий, 2004], с одной стороны, подчеркивается тот вызов, который представляет для Москвы расширение альянса, с другой — констатируется, что хотя бы на определенном этапе институционализация отношений Россия — НАТО и их совместные форумы и мероприятия способны были сыграть стабилизирующую роль. В то же время некоторые другие российские эксперты — А.А. Бартош [Бартош, 2023], В.В. Штоль [Штоль, 2015] — высказывались более скептически в отношении перспектив сотрудничества РФ и НАТО, придерживаясь точки зрения, что принцип «открытых дверей» и его реализация на практике — это лишь один из показателей того, что альянс стремится к глобальному доминированию и глобализации своей миссии.

В отличие от российских, западные (преимущественно американские) эксперты, на работы которых опирается данная статья, исходили из необходимости обосновать западное доминирование в Европе после холодной войны и лидирующую роль НАТО. Однако и здесь даже в 1990-е и начале 2000-х годов, которые были благоприятным периодом для доктрины «открытых дверей», оптимизм на этот счет был отнюдь не единодушным. Большинство экспертов, специализировавшихся на проблеме расширения НАТО (наиболее заметные из них — Р. Асмус [Asmus, 2002], З. Бжезинский [Brzezinski, 1995, 2009], Дж. Голдгейер, И. Даалдер [Daalder, Goldgeier, 2006], С. Лэррэби [Larrabee, 2006]), выступали с позиций западного триумфализма, за максимально быстрое включение бывших социалисти-

ческих стран в альянс независимо от возражений России, равно как и за придание НАТО глобальной миссии. В то же время некоторые политологи (в частности, Д. Йост [Yost, 1998]) обосновывали экспансию НАТО аргументом о необходимости переноса центра тяжести в блоке с «коллективной обороны» на «коллективную безопасность» в отсутствие прежней экзистенциальной угрозы, каковой был СССР. Наконец, и в США, и в Европе были сравнительно немногочисленные эксперты (Р. Арт [Art, 1998], К. Уолтц [Waltz, 2000]), которые считали, что реализация принципа «открытых дверей» даст результаты, прямо противоположные заявленным, и даже приведет к катастрофе, в том числе в отношениях с Россией. Подобный скептицизм в западном экспертном сообществе, в том числе среди тех, кто по-прежнему не считает расширение НАТО ошибкой, значительно усилился со второго десятилетия XXI в., когда Россия стала демонстрировать решимость не допустить распространения альянса на зону своих жизненно важных интересов на постсоветском пространстве [Sarotte, 2021].

В работе использовались также мемуарные исследования государственных деятелей России и США, которые имели непосредственное отношение к формулированию приоритетов Запада относительно расширения НАТО и к реагированию Москвы на возникавшие в этой связи вызовы⁴.

Основные этапы расширения НАТО и место «новой Европы» в американских стратегических приоритетах после холодной войны

Вопрос о том, как интегрировать в ряды западного сообщества бывшие государства «восточного блока», не сразу получил на Западе готовый ответ. Не сразу сложился там и консенсус в пользу принятия их в состав НАТО, равно как и в понимании, до каких пределов может расширяться Североатлантический альянс. В этом отношении продвижение принципа «открытых дверей» можно разделить на два больших этапа.

⁴Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999; Олбрайт М. Госпожа госсекретарь: мемуары М. Олбрайт. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004; Burns W.J. The back channel: A memoir of American diplomacy and the case for its renewal. N.Y.: Random House, 2019.

Первый этап (1990-е — середина 2000-х годов) — прием в НАТО всех бывших союзников СССР по ОВД, трех прибалтийских государств и Словении.

Второй этап (вторая половина 2000-х годов по настоящее время) — вступление в НАТО государств Западных Балкан, Финляндии и Швеции, попытки альянса продолжить расширение путем распространения его на Украину и Грузию.

Когда на повестку дня встал вопрос о включении в НАТО бывших членов ОВД (в первую очередь Вишеградской четверки — Польши, Венгрии, Чехии и Словакии), первоначально наибольшую активность проявляли даже не США, а Германия, принявшая на себя основное бремя экономической трансформации посткоммунистического региона Европы и настаивавшая на синхронизации процессов расширения ЕС и НАТО⁵. Однако определяющим оказалось в итоге мнение Вашингтона, взявшего в свои руки реализацию задачи расширения альянса, хотя и там решение в пользу быстрого приема экс-союзников Москвы в качестве полноправных членов НАТО с распространением на них соответствующих гарантий безопасности стало результатом весьма оживленных споров внутри внешнеполитического сообщества⁶. К тому же быстрое начало расширения блока на страны ЦВЕ было необходимо США для того, чтобы упредить и поставить в жесткие рамки претензии ЕС на автономию в сфере безопасности и обороны, которые активизировались в ряде ведущих европейских государств (прежде всего во Франции: на первых порах она весьма сдержанно отнеслась к идее распространения НАТО на

⁵ Наиболее решительным сторонником «открытия дверей» НАТО (наряду с ЕС) для бывших союзников СССР в первой половине 1990-х годов был министр обороны ФРГ Ф. Рюг, который, по его словам, убеждал колеблющихся в тот период членов администрации США в необходимости такого открытия. См.: [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 217–226].

⁶ В частности, сторонниками того, чтобы не проводить или по крайней мере отсрочить расширение НАТО, были министры обороны в администрации У. Клинтона Л. Эспин и У. Перри. В то же время помощник президента по национальной безопасности У. Лейк, государственный секретарь М. Олбрайт (в отличие от своего предшественника У. Кристофера, делавшего основную ставку на программу «Партнерство ради мира»), заместитель государственного секретаря С. Тэлботт были сторонниками максимально быстрой реализации данного проекта. См.: Олбрайт М. Указ. соч. С. 329–346; [Саротт, 2021: 54–55; Троицкий, 2004: 150; Conklin, 2015: 15–22; Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 405–424].

Восточную Европу, хотя в конечном счете поддержала его⁷) после вступления в силу Маастрихтского договора об образовании Европейского союза.

Показателем того, что Вашингтон принял окончательное решение о поддержке вступления в НАТО бывших членов ОВД и прибалтийских республик, стало заявление президента У. Клинтона, сделанное в январе 1994 г. в Праге: «...вопрос состоит не в том, будет ли НАТО принимать новых членов, а в том, как и когда это будет реализовано» [Goldgeier, 1999: 57].

В этом смысле представляет интерес обзор внутриамериканских дискуссий на данную тему, который представила почетный профессор Школы передовых международных исследований Джонса Хопкинса М.Э. Саротт⁸. Она отмечает: «Хотя НАТО — альянс множества стран, в основном он отражает точку зрения США, когда речь заходит о гарантиях статьи 5 Североатлантического договора — обещание рассматривать нападение на одну страну-участницу как нападение на всех. Поэтому превалировал американоцентричный универсальный подход, хотя других членов тревожила географическая проблема: чем ближе границы альянса подходят к России, тем выше риск, что расширение сведёт на нет новое сотрудничество с Москвой и поставит под угрозу прогресс в сфере контроля над вооружениями». Однако в США, по признанию эксперта, возобладала точка зрения, что они должны проводить политику сдерживания и после холодной войны [Sarotte, 2021: 48].

Правда, на уровне публичных заявлений большинство сторонников расширения НАТО на Западе старались отрицать его направленность против России. Более того, замысел строительства «большой НАТО» с участием экс-социалистических стран ЦВЕ в то время аргументировался не столько задачей отражения угроз западному лагерю, сколько необходимостью строительства новой

⁷ Президент Франции Ж. Ширак, выступая на саммите ОБСЕ в Лиссабоне в декабре 1996 г., заявил, что расширение НАТО и ЕС должно происходить в рамках более широкого европейского проекта, исключающего новые линии раздела на континенте. См.: Boniface P. The NATO debate in France // NATO Academic Forum. 07.10.1997. Available at: <https://www.nato.int/acad/conf/enlarg97/boniface.htm> (accessed: 26.02.2024).

⁸ М.Э. Саротт также является автором книги «Ни на дюйм: Америка, Россия и возникновение тупиковой ситуации после холодной войны» [Sarotte, 2021], в которой данный вопрос исследуется в общем контексте отношений России с Европой и США в первое десятилетие после окончания холодной войны.

политической архитектуры Европы, естественной основой которой должен был стать Североатлантический альянс, действующий в тесной координации с Европейским союзом (также начавшим процесс расширения) и другими институтами, носящими не блоковый, а общеевропейский характер (в первую очередь ОБСЕ)⁹.

Однако, хотя инициаторы расширения НАТО неизменно указывали (в ответ на опасения Москвы¹⁰), что этот замысел не направлен против безопасности России, большинство из них не скрывали, что один из главных смыслов данного процесса — обеспечить страховку на случай возврата к власти в РФ «реваншистских», «неоимперских» и «антидемократических» сил. В частности, эксперт по проблемам евро-атлантической безопасности М. Конклин в исследовании, выполненном в Военно-морской аспирантуре в г. Монтерее (Калифорния, США), выразил мнение, что на протяжении всего обсуждения расширения блока самое сильное влияние на лиц, ответственных в США за эту сферу, оказывали именно внутривнутриполитические события в России. Решения стран НАТО о расширении альянса, по утверждению эксперта, принимались с учетом того, как это повлияет на деятельность правительства президента Б. Ельцина¹¹, чья приверженность демократическим реформам, несмотря на его неоднозначный послужной список, сделала его единомышленником У. Клинтона; при этом западные политики учитывали «попытки государственных переворотов» в СССР и РФ в 1991 и 1993 гг., которые угрожали сближению России с Западом [Conklin, 2015: 19].

Обоснование Североатлантическим альянсом политики «открытых дверей» было непосредственно увязано с тем, как лидеры стран — членов НАТО, прежде всего США, рассматривали предна-

⁹ Study on NATO enlargement. September 3, 1995 // North Atlantic Treaty Organization. 05.11.2008. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24733.htm (accessed: 12.02.2024).

¹⁰ То, что Россия с озабоченностью относится к расширению НАТО, признавали разработчики стратегии этого расширения с самого его начала, в частности, в «Исследовании по вопросу расширения НАТО» 1995 г., в котором перспективы партнерства между РФ и альянсом оценивались оптимистично. См.: Study on NATO enlargement. September 3, 1995...

¹¹ Речь, очевидно, идет о согласии США и их союзников по НАТО отсрочить официальное приглашение в альянс первой группы стран ЦВЕ до тех пор, пока не пройдут президентские выборы в РФ в 1996 г. Об этом свидетельствовал, в частности, тогдашний заместитель государственного секретаря США С. Тэлботт. См.: [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 416].

значение и функции организации после холодной войны. Первые три стратегические концепции (1991, 1999, 2010), которыми руководствовался альянс после окончания эпохи биполярности, означали главным образом расширение круга его компетенций, переход от функции исключительно коллективной обороны стран-членов к более аморфной и при этом более глобализированной миссии содействия коллективной безопасности, в том числе за пределами географической зоны, определяемой ст. 5 Вашингтонского договора. НАТО планировала «совместить несколько социальных ролей: оплота безопасности в Евроатлантике; подающего евразийским государствам положительный пример соседа; кризисного менеджера в самом широком географическом масштабе; и миссионера демократии»¹².

Исходя из такого подхода, основанного на представлениях о «конце истории», проект создания «большой НАТО» путем принятия экс-союзников Москвы неизменно обосновывался не геополитическими соображениями западных государств, а стремлением бывших социалистических стран присоединиться к этому сообществу и получить помощь «старых» членов данных объединений¹³. Упор политических элит государств-кандидатов именно на НАТО во многом объяснялся тем, что процедура принятия новых членов в ЕС требует выполнения большого количества условий по соответствию его критериям. Такого соответствия достичь было весьма трудно в связи с незрелой политической культурой в большинстве восточноевропейских стран, отягощенной национализмом, популизмом, коррупцией и авторитарными пережитками.

С такой приоритетностью именно НАТО в деле открытия для стран ЦВЕ «дверей» в западное сообщество вынужден был смириться и Евросоюз, хотя, несмотря на общий с Североатлантическим

¹² Мельникова Ю. #NATO2030: новый виток рефлексии для Североатлантического альянса // Российский совет по международным делам. 07.07.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato2030-novyy-vitok-refleksii-dlya-severoatlanticheskogo-alyansa/> (дата обращения: 16.02.2024).

¹³ В качестве доказательства того, что именно желанием бывших союзников СССР вступить в НАТО руководствовались «старые» члены альянса, сторонники его скорейшего расширения (в частности, С. Тэлботт) приводят просьбу президентов Польши, Чехии и Венгрии Л. Валенсы, В. Гавела и А. Гёнца принять их страны в НАТО, которую они высказали во время визита в Вашингтон в апреле 1993 г. См.: [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 407].

альянсом политический проект интеграции бывших союзников Москвы, институциональное соперничество между ними всегда существовало. Как считает болгарский историк и политолог Н. Аврейски, в расширении НАТО на восток ЕС видит гарантии необратимости переориентации новых демократий с Востока на Запад. Брюссель, по его мнению, «решил использовать НАТО в качестве еще одних ворот в ЕС (в качестве первых уже функционировал Совет Европы, в который на тот момент входили почти все страны Центральной Европы)» [Аврейски, 2013: 591].

Такой, казалось бы, важный критерий, как способность новых членов содействовать приращению совокупного военного потенциала НАТО, не играл принципиальной роли при реализации всех этапов данного расширения (за исключением в какой-то степени Финляндии и Швеции). По мнению, например, В.И. Батюка, «ни страны “Вышеградской тройки” (Венгрия, Польша, Чехия), ни страны “второго призыва” в НАТО (Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Румыния и Болгария), ни балканские страны (Хорватия, Албания и Черногория, которые вступили в альянс в 2009–2017 гг.) не располагают крупными и современными вооруженными силами, способными внести реальный вклад в укрепление обороноспособности НАТО» [Батюк, 2020: 11–12].

Оставшиеся в меньшинстве при обсуждении планов расширения альянса западные эксперты из числа сторонников школы «политического реализма» (К. Уолтц, Дж. Миршаймер, М. Браун, основоположник концепции «сдерживания» СССР Дж. Кеннан) с самого начала критически отнеслись к этим планам¹⁴. В частности, К. Уолтц прогнозировал (во многом весьма точно, как показали события уже XXI в.), что расширение НАТО приведет к отчуждению от Запада демократических и прорыночных сил в России, ослабит надежды на дальнейшие крупномасштабные сокращения вооружений, толкнет Москву в объятия Китая. Кроме того, по мнению К. Уолтца, чем больше в альянсе членов, тем труднее согласовывать внутри него разнонаправленные интересы, тем слабее его сплоченность. Наконец, как показали войны на Балканах, будет расти негативное влияние на НАТО различных дестабилизирующих факторов на границах альянса [Waltz, 2000].

¹⁴Обзоры взглядов сторонников «реалистской» школы на расширение НАТО см., например: [Михайлов, Воловиков, 2023: 67; Zhang, 2022].

В то же время вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии, особенно война в Боснии и Герцеговине, стали существенным стимулом для форсирования процесса строительства «большой НАТО». К тому же в реагировании на эти конфликты проявилась неспособность Европейского союза сыграть координирующую роль среди своих членов, сделавшая неизбежным вмешательство НАТО (в которой США являются безусловным лидером, диктующим повестку и приоритеты организации), ведь в противном случае западоцентристская система безопасности в Европе была бы поставлена под вопрос. Впоследствии принцип «открытых дверей» НАТО был проведен в жизнь и в отношении большинства самих государств Западных Балкан.

Западно-Балканский регион (страны бывшей Югославии и Албания) был поставлен на повестку расширения НАТО сразу после «поглощения» альянсом бывших восточноевропейских союзников СССР и прибалтийских государств. Отставание данного региона в процессе его интеграции в западные институты было обусловлено его спецификой, связанной с охватившими его военными конфликтами и постконфликтным восстановлением, а не тем, что Западу требовалось вторгаться в чью-то чужую сферу влияния. В 2009 г. в НАТО были приняты Хорватия и Албания, в 2017 г. — Черногория, в 2020 г. — Северная Македония¹⁵. Для большинства западнобалканских стран именно вступление в НАТО стало главным направлением движения к западному «сообществу демократических государств», поскольку путь в Евросоюз ввиду их явного несоответствия принятым в ЕС критериям сопряжен с гораздо большими трудностями.

Спецификой балканского аспекта активности НАТО (в том числе стратегии ее расширения), равно как и политики США на восточном фланге альянса, является тесная взаимосвязь с комплексом проблем, который касается парирования евро-атлантическим сообществом вызовов, исходящих с Ближнего и Среднего Востока и из Северной Африки. Это прежде всего борьба с терроризмом и сдерживание миграционной волны, охватившей Европу с середины 2010-х годов в связи с обострением конфликтов на Ближнем

¹⁵ Для Македонии путь к вступлению в НАТО и началу переговоров с Евросоюзом о вступлении был открыт только после урегулирования многолетнего спора с Грецией о названии страны и принятия самоназвания «Северная Македония».

Востоке (в том числе тех, которые стали прямым следствием поощрявшейся самим же Западом «арабской весны» в начале второго десятилетия XXI в.).

Распространение принципа «открытых дверей» НАТО на государства Западных Балкан затрагивало интересы России в меньшей степени, чем прием бывших союзников СССР и стран Балтии, примыкающих к периметру ее границ на западе, тем более что ни Югославия, ни Албания (после 1968 г.) не входили в ОВД. В то же время Москва, конечно, не могла не ощущать, что ее влияние в этом регионе сокращается (даже в традиционно близкой ей Сербии) в результате расширения НАТО и ЕС, равно как и продолжения функционирования механизмов урегулирования боснийского и косовского конфликтов, где эти западные институты играют доминирующую роль.

Для НАТО же, в первую очередь для США, форсирование вступления стран региона в альянс было важно с точки зрения давления на Сербию, которая остается пусть и шатким, но оплотом российского влияния, не ставит задачу вступления в блок (в силу последствий натовской агрессии 1999 г.), но при этом провозгласила присоединение к ЕС одним из своих главных политических приоритетов.

В то же время обострение противостояния между Россией и Западом из-за начавшегося в 2014 г. «украинского кризиса» значительно усилило антироссийские акценты в «расширительной» стратегии НАТО уже и в Западно-Балканском регионе. Особенно отчетливо антироссийский подтекст ощущался в ходе вступления в альянс Черногории, где этот процесс сопровождался официальными обвинениями Сербии, РФ и «пророссийской» оппозиции в намерении организовать государственный переворот и убийство премьер-министра М. Джукановича¹⁶. К тому же ратификация протокола о приеме Черногории в НАТО долго тормозилась в Сенате США из-за противодействия сенаторов-республиканцев Р. Пола и М. Ли, выступавших за то, чтобы ограничить американские военно-политические обязательства за рубежом. Только после прихода к власти администрации Д. Трампа и давления, которое Государственный

¹⁶ Montenegro PM accuses opposition over 'plot to kill him' // BalkanInsight. 10.11.2016. Available at: <https://balkaninsight.com/2016/11/10/djukanovic-accuses-pro-russian-opposition-over-plot-to-kill-him-11-10-2016/> (accessed: 14.03.2024).

департамент оказал на верхнюю палату Конгресса, этот протокол в марте 2017 г. был ратифицирован¹⁷.

Вне НАТО на Западных Балканах остаются Сербия, Босния и Герцеговина, а также частично признанное Косово¹⁸. Для Боснии и Герцеговины, где действует миротворческая операция ЕС «Алтея» и функционирует институт Высокого представителя международного сообщества, фактически единственным препятствием на пути в НАТО остается позиция Республики Сербской (РС), которая согласно Дейтонским соглашениям 1995 г. является одним из энтитетов в рамках этой слабой федерации и ориентируется на Белград. К тому же ситуация вокруг отношений этой страны с НАТО осложнилась и в результате отказа РС (вслед за Сербией) осудить действия России на Украине после февраля 2022 г. и поддержать антироссийские санкции, несмотря на западное давление.

«Российская угроза» подстегнула стремление властей частично признанного Косова форсировать процесс вступления этого «государства» в НАТО (даже несмотря на непризнание его независимости несколькими членами блока), тем более что уже с 2000 г. на территории этого края действует крупнейшая в Юго-Восточной Европе база американского контингента в составе сил KFOR¹⁹ — Кэмп-Бондстил. При этом притязания Приштины на членство в НАТО активно поддерживали Турция и Хорватия [Арляпова, Пономарева, 2023: 159–162].

Между тем принцип «открытых дверей» предполагал, что после «поглощения» Западом внешнего периметра безопасности бывшего СССР и прибалтийских республик, а также принятия в НАТО государств Западных Балкан «расширительная» повестка альянса не должна быть приостановлена, и он неизбежно должен был определиться с тем, что делать с оставшимися странами посткоммунистической части Европы.

¹⁷ Exclusive: Tillerson urges Senate ratification of Montenegro's NATO membership // Reuters. 22.03.2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-nato-montenegro-exclusive-idUSKBN16S2VH> (accessed: 13.03.2024).

¹⁸ Независимость Косова до сих пор не признана пятью членами ЕС: Грецией, Испанией, Кипром, Румынией и Словакией, четыре из которых являются также членами НАТО. Они обуславливают возможность признания Косова изменением позиции Сербии по данному вопросу.

¹⁹ Международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косове.

Ситуация, возникшая к востоку от новых рубежей НАТО и Евросоюза, где они стали граничить непосредственно с пространством бывшего СССР, выглядела принципиально по-иному, нежели в случае со странами экс-соцлагеря. Бывшие советские республики (за исключением прибалтийских) после холодной войны в меньшей степени были вовлечены в орбиту западного влияния, прежде всего в институциональном плане. Они в той или иной мере были связаны с Россией институтами СНГ, а некоторые — структурами с более высокой степенью интеграции, такими как Организация Договора о коллективной безопасности или Евразийское экономическое сообщество (с 2015 г. — Евразийский экономический союз). Социально-экономический и политический статус европейских государств СНГ вплоть до конца первого десятилетия XXI в. удерживал НАТО и ЕС от того, чтобы рассматривать их на одном уровне с регионом ЦВЕ. Однако и в этом вопросе Вашингтон и наиболее активные сторонники стратегии расширения среди его европейских союзников (особенно среди новичков НАТО) не могли остановиться на достигнутом и удовлетвориться тем, что после вступления стран ЦВЕ в западные институты в Европе возникает новая «серая зона», отделяющая евро-атлантические структуры от России.

Именно из-за того, что Евросоюз и НАТО вплотную подошли к внешним границам СНГ, негласная разграничительная линия между ЦВЕ и постсоветским пространством стала помехой для Запада. ЕС начал преодолевать эту линию, реализуя с 2004 г. Европейскую политику соседства, которая была адресована странам, находящимся к востоку от его новых границ, и в то же время не предполагала быстрого вступления в Евросоюз. Не мог отставать и Североатлантический альянс, который к тому же, в отличие от ЕС, готов предложить для тяготеющих к нему стран Восточной Европы перспективу полноправного членства.

Форсирование Вашингтоном (во многом под влиянием таких «ястребов», как вице-президент Р. Чейни и группировка неоконсерваторов в окружении президента Дж. Буша-мл.) вопроса о переходе НАТО упомянутой разграничительной линии на востоке Европы активизировалось, во-первых, ввиду необходимости восстановления единства атлантического лагеря, подорванного войной в Ираке, во-вторых, ради поощрения «демократических» и антироссийских сил в бывшем СССР (особенно активных в Грузии и на Украине, о

чем свидетельствовали «цветные революции» в этих странах в 2003 и 2004 гг.), в-третьих, для оказания более решительного противодействия «антидемократическим» и «реваншистским» тенденциям в политике России, которые, по мнению ее противников, стали набирать силу вскоре после прихода В.В. Путина на пост президента РФ. Последняя из этих задач становилась особенно актуальной ввиду приписываемого Москве стремления использовать энергетические рычаги (поставки нефти и газа) для политического давления на государства Восточной Европы и западной периферии бывшего СССР, которые гораздо сильнее, чем западноевропейские страны, зависели от этих ресурсов²⁰. Втягивание Украины и стран Черноморского и Каспийского бассейнов в орбиту НАТО (с перспективой приглашения некоторых из них вступить в сам альянс) — параллельно с аналогичными шагами Евросоюза — было тесно связано с выстраиванием коллективным Западом стратегии создания новых транспортных коридоров и маршрутов перевозки углеводородного сырья в обход территории РФ [Кризисная геополитика и Россия, 2024: 247–289].

Особенностью реализации принципа «открытых дверей» НАТО на постсоветском пространстве стало стремление США и их союзников сопроводить эту политику широким набором межгосударственных форумов и структур, призванных закрепить прозападную ориентацию тех стран бывшего СССР, которые особенно интересовали Запад (еще до официального их приглашения в альянс), и обеспечить им покровительство со стороны уже действующих партнеров Вашингтона в ЦВЕ. Среди таких структур — учрежденное еще в 1997 г. межгосударственное объединение ГУАМ²¹, преобразованное в 2006 г. в Организацию за экономическое развитие — ГУАМ; Содружество демократического выбора²², созданное в 2005 г.; и др.

²⁰ В частности, обвинения против России в использовании таких рычагов выдвинул вице-президент США Р. Чейни в своем выступлении на саммите Содружества демократического выбора в Вильнюсе в мае 2006 г. См.: Vice President's remarks at the 2006 Vilnius summit // The White House (President George W. Bush). 04.05.2006. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (accessed: 24.02.2024).

²¹ Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия; до 2005 г. в него входил также Узбекистан.

²² В него вошли Эстония, Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Румыния, Словения, Украина.

Односторонний выход Вашингтона из Договора о противоракетной обороне (ПРО) в 2002 г., разработка и начало осуществления планов размещения элементов американской ПРО в ряде стран ЦВЕ, агрессия США и некоторых его союзников в Ираке, разрушение Западом санкционированного Советом Безопасности ООН механизма урегулирования конфликта в Косове и признание в 2008 г. подавляющим большинством западных государств одностороннее провозглашенной независимости этой территории, открытая поддержка со стороны Соединенных Штатов и различных американских фондов и неправительственных организаций нелегитимной смены правящих режимов в Грузии (2003) и на Украине (2004) (а реакция Москвы на эти действия была поначалу весьма умеренной) создали у Белого дома иллюзию, что и переход «красной линии» в виде внешней границы СНГ также не вызовет особого противодействия. Установившиеся в результате «цветных революций» в Тбилиси и Киеве открыто прозападные режимы сами взяли курс на интеграцию в евро-атлантическое сообщество. Принятие для Украины и Грузии «планов действий по подготовке к членству» (ПДЧ) в НАТО намечалось на Бухарестском (апрель 2008 г.) саммите альянса как техническая процедура, которая до того была обязательна и для других кандидатов из числа стран ЦВЕ. Однако Россия не могла рассматривать эту процедуру как чисто техническую, ведь было очевидно, что за ней через какой-то временной промежуток последует их официальное приглашение вступить в альянс.

Такой радикальный разрыв Вашингтона с негласно соблюдавшейся до тех пор линией на то, чтобы не распространять принцип «открытых дверей» НАТО на страны СНГ, вызвал в тот период возражения некоторых ведущих союзников США по блоку, прежде всего Германии и Франции. Они воспрепятствовали предоставлению ПДЧ Киеву и Тбилиси на саммите в Бухаресте, хотя в заключительном коммюнике было выражено согласие НАТО с тем, что они станут его членами²³.

Однако и в самом американском истеблишменте позиция на этот счет не была монолитной. Тогдашний посол США в РФ У. Бернс

²³ Bucharest Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008 // North Atlantic Treaty Organization, 03.04.2008. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm (accessed: 30.01.2024).

(с 2021 г. — директор ЦРУ) признавал, что сдержанная реакция В.В. Путина на прием в НАТО Эстонии, Латвии и Литвы не могла повториться в случае с Украиной и Грузией. Намерение же любой ценой предоставить последним ПДЧ в НАТО, по утверждению У. Бернса, объяснялось геополитической и идеологической инерцией, интересами тех кругов, которые были связаны с вице-президентом Р. Чейни, и ряда правительственных ведомств. Экс-посол США в РФ предупреждал, что преждевременное форсирование этого якобы технического вопроса отношений Киева и Тбилиси с НАТО не найдет понимания в России даже среди самых убежденных сторонников сближения с США, а также создаст почву для российского вмешательства в Крыму и на востоке Украины, а в случае с Грузией (в том числе с использованием «косовского прецедента») — для признания независимости Абхазии и вооруженного конфликта между Тбилиси и Москвой²⁴.

Подобная «прозорливость» высокопоставленного американского чиновника и дипломата показывает, как еще за несколько лет до возникновения «украинского кризиса» среди высшего руководства ведущих западных стран появилось осознание того, что негативная для трансатлантического сообщества эволюция российского фактора при расширении НАТО (и вообще монополизации Западом формирующейся архитектуры европейской безопасности) станет неизбежной.

Вместе с тем переход России к активным, в том числе силовым, методам противодействия «освоению» Западом Восточно-Европейского региона, отчетливо обозначившийся после государственного переворота на Украине в 2014 г., стимулировал западные институты к более «творческому» применению принципа «открытых дверей» НАТО. Невозможность предоставить полноправное членство в альянсе Украине и Грузии, которая стала очевидной уже на Бухарестском саммите НАТО 2008 г. и только усугубилась в результате последующих кризисов и конфликтов, охвативших эти страны и вынудивших Россию пересмотреть там территориальный статус-кво, альянсу удалось в значительной мере компенсировать в регионе Северной Европы.

Начало Россией специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. дало НАТО новый предлог для реализации

²⁴ Burns W.J. Op. cit. P. 230–233.

политики своего расширения, когда геополитические (в большей степени, чем ценностные) обоснования оказались доминирующими, новые кандидаты на вступление, в отличие от стран ЦВЕ, ранее даже не значились в натовских планах и в то же время альянс мог не опасаться активного противодействия Москвы. Это проявилось прежде всего в поспешно проведенной процедуре принятия в НАТО Финляндии и Швеции²⁵, которые, покончив с многолетней традицией внеблоковой политики, подали соответствующие заявки в мае 2022 г. и для которых была отменена прежде обязательная стадия ПДЧ. Прием в альянс двух северных государств, позволивший США и их европейским союзникам заполнить «недостающее звено» в натовской цепи на востоке Европы (в зоне непосредственного соприкосновения с Россией) и решить проблему несопадающего членства в НАТО и ЕС, вынуждавшего блок строить свое военное планирование с учетом финского и шведского нейтралитета [Данилов, 2022: 20], существенно отличался по своей логике от приема экс-социалистических стран. Швеции и Финляндии не было необходимости проходить «демократическую трансформацию», их вклад, особенно Стокгольма, в совокупный военный потенциал альянса будет весьма заметным (по крайней мере в масштабах Северо-Европейского региона), а их сотрудничество с НАТО (в том числе участие в совместных учениях, обмен разведывательной информацией) задолго до вступления в блок ориентировало их на атлантический вектор.

Увеличение членского состава НАТО вдвое после окончания холодной войны, хотя и не привело к резкому усилению военной мощи альянса, дало США целый ряд новых возможностей для укрепления своего военного и политического доминирования в Европе и для дальнейшего проецирования силы в различных регионах, выходящих за европейские рамки. В этой связи следует обозначить основные направления использования Вашингтоном этих возможностей, которые он получил за четверть века (1999–2024) практической реализации принципа «открытых дверей» НАТО.

Во-первых, появление в ЦВЕ большого массива государств — новых членов НАТО, видящих именно в США (в большей степени,

²⁵ Официальное присоединение Швеции к НАТО затянулось из-за особой позиции Турции и Венгрии, но и их парламенты в январе и феврале 2024 г. после долгих проволочек ратифицировали соответствующий протокол.

чем в ЕС) основную гарантию закрепления своей прозападной ориентации, позволило Вашингтону, особенно в первые годы после начала расширения альянса, активно задействовать политический ресурс этих стран, а также тех, кто только стоит в очереди на прием в НАТО. В частности, это было нужно для создания противовеса «старым» членам блока («старой Европе», по выражению Д. Рамсфелда, министра обороны в администрации Дж. Буша-мл.²⁶) в тех случаях, когда последние не проявляли энтузиазма в поддержке тех или иных действий США, чреватых вовлечением европейских государств в ненужные им конфликты. Особенно ярко это проявилось в ходе начавшейся в 2003 г. войны против Ирака, которую отказались поддержать ряд ведущих стран Европы, в первую очередь Германия и Франция. В качестве своеобразной платы за открытые для них «двери» в НАТО в начале февраля 2003 г. десять стран — участниц так называемой Вильнюсской группы из числа тогдашних очередников на вступление в НАТО (Албания, Болгария, Латвия, Литва, Македония, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Эстония) подписали письмо в поддержку позиции США по оружию массового поражения, якобы имевшемуся у режима С. Хусейна, и решительного ответа «демократических государств» на угрозу, которая, по их утверждению, исходила от этого режима²⁷. Среди стран ЦВЕ, уже вступивших к тому времени в НАТО и участвовавших во вторжении в Ирак, наибольшую выгоду получила Польша, под командованием которой в 2003–2008 гг. находилась оккупационная зона к югу от Багдада²⁸. То, что бывшие социалистические страны Европы смогли в результате своего втягивания в стратегические планы США ощутить собственную важность, нейтрализовывало для них политические издержки от участия в таких противоречивых военных кампаниях, как югославская (1999) или иракская (2003).

Во-вторых, распространение НАТО на всю Центральную и Юго-Восточную Европу позволило США приступить — еще задолго до

²⁶ См.: Secretary Rumsfeld briefs at the Foreign Press Center // U.S. Department of Defense (Archive). 22.01.2003. Available at: <https://web.archive.org/web/20140228200949/http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=1330> (accessed: 16.03.2024).

²⁷ Statement of the Vilnius Group countries // Novinite.com. 05.02.2003. Available at: https://www.novinite.com/view_news.php?id=19022 (accessed: 06.02.2024).

²⁸ Poland formally ends its Iraq mission // NBC News. 05.10.2008. Available at: <https://www.nbcnews.com/id/wbna27023061> (accessed: 12.03.2024).

возникновения «украинского кризиса» — к задействованию географического, политического и военного ресурсов новых стран — членов блока. Уже в середине первого десятилетия XXI в. Вашингтон подписал с Румынией (2005) и Болгарией (2006) соглашения, согласно которым американские вооруженные силы могли использовать ряд военных объектов в этих странах²⁹. Вашингтон в то время отрицал антиросийскую направленность этих соглашений и обосновывал свое присутствие на подобных объектах в Юго-Восточной Европе задачами борьбы с терроризмом и урегулирования региональных кризисов в различных частях мира.

Кроме того, администрации Дж. Буша-мл. незадолго до окончания срока своих полномочий удалось добиться официального согласия некоторых стран ЦВЕ на размещение на их территориях элементов ПРО США. Вашингтон обосновывал эти мероприятия необходимостью защиты от ракетной угрозы со стороны весьма далеких от того региона «государств-изгоев», в первую очередь Ирана. В июле 2008 г. было заключено соглашение между США и Чехией о размещении в этой стране американской радиолокационной системы (РЛС)³⁰, а в августе того же года — соглашение между США и Польшей о размещении на польской территории ракет-перехватчиков³¹. Трансформация проекта Третьего позиционного района ПРО США администрацией Б. Обамы (провозглашение «поэтапного адаптивного подхода» в сентябре 2009 г.³²) ограничила его масштаб, вписала его в рамки НАТО, но не устранила вызов, который он представлял

²⁹ Речь идет четырех военных объектах в Румынии и таком же количестве баз в Болгарии (в первую очередь военных аэродромах), а также о ротационном присутствии в каждой из этих стран нескольких тысяч американских военнослужащих. Некоторые российские эксперты отмечали возможность использования этих баз для силового продвижения американской «энергетической дипломатии» в Европе и создания противовеса российским проектам строительства магистральных нефте- и газопроводов [Гришин, 2007: 195].

³⁰ Ballistic Missile Defense Agreement Between the United States and the Czech Republic // U.S. Department of State (Archive). 10.07.2008. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2008/07/106923.htm> (accessed: 26.02.2024).

³¹ Ballistic Missile Defense Agreement Between the United States of America and the Republic of Poland // U.S. Department of State (Archive). 20.08.2008. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2008/aug/108659.htm> (accessed: 26.02.2024).

³² Fact sheet on U.S. missile defense policy: A 'phased, adaptive approach' for missile defense in Europe // The White House (President Barack Obama). 17.09.2009. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-us-missile-defense-policy-a-phased-adaptive-approach-missile-defense-eur> (accessed: 26.02.2024).

как для российских сил ядерного сдерживания, так и для позиций Москвы в этом регионе Европы. Уже вскоре после объявления президентом Б. Обамой новых планов ПРО правительство Румынии в феврале 2010 г. дало согласие разместить на своей территории ракеты-перехватчики SM-3 в рамках этого проекта³³. Батареи SM-3, а также РЛС и системы связи являются частью комплекса ПРО в Девеселу на юге Румынии, который был введен в строй в мае 2020 г.

Возникновение военно-политического кризиса вокруг Украины в 2014 г., а затем и российская военная операция в этой стране, начатая в феврале 2022 г., повлекли за собой несколько волн наращивания военного присутствия НАТО на новом восточном фланге альянса³⁴. Таким образом, для тех стран ЦВЕ и Балтии, которые воспользовались принципом «открытых дверей» НАТО в период, относительно благоприятный для его реализации, расчеты на «мирные дивиденды» от вступления в альянс и на то, что их присоединение к НАТО поможет «сдержать» Россию, очевидно, оказались ошибочными.

В-третьих, у НАТО после приближения ее восточных пределов непосредственно к границам Российской Федерации появилось множество новых возможностей для задействования новых членов в стратегии «гибридных войн». Бывшие социалистические страны особенно настойчиво эксплуатируют тему защиты от «гибридных» угроз со стороны России, заключающихся, по их мнению, в сочетании военных и невоенных методов воздействия на потенциального противника, особенно с применением информационной войны, кибератак, дестабилизации политических режимов. После начала «украинского кризиса» НАТО стала систематически прорабатывать вопрос о задействовании ст. 5 Вашингтонского договора для защиты от «гибридных» угроз. Уже на Варшавском (2016) саммите

³³ Romania agrees to host US missile interceptors // The Christian Science Monitor. 05.02.2010. Available at: <https://www.csmonitor.com/World/terrorism-security/2010/02/05/Romania-agrees-to-host-US-missile-interceptors> (accessed: 26.02.2024).

³⁴ Помимо уже созданных с 2017 г. восьми многонациональных боевых групп на территориях восточноевропейских стран — членов НАТО общей численностью около 30 тыс. человек этот регион в случае резкого обострения напряженности между Россией и НАТО может стать ареной для развертывания 300 тыс. военнослужащих в повышенной степени готовности. См.: NATO agrees strong package for Ukraine, boosts deterrence and defence // North Atlantic Treaty Organization. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_217059.htm?selectedLocale=en (accessed: 16.10.2023).

альянс закрепил эту задачу в заключительной декларации, сделал его составной частью коллективной обороны НАТО³⁵.

Еще задолго до обострения конфронтации между Россией и коллективным Западом в некоторых из новых стран — членов НАТО, в первую очередь в Балтийском регионе, были созданы «центры передового опыта» в различных сферах «гибридного» противостояния, получившие аккредитацию при НАТО (при этом не обязательно финансируемые альянсом напрямую), где Россия хотя бы в силу их географического местоположения подразумевается как главный противник. Среди таких структур — Центр передового опыта в области совместной киберзащиты, функционирующий в Таллине с 2008 г., аналогичный центр в области стратегических коммуникаций в Риге (с 2014 г.), а также Центр энергетической безопасности в Вильнюсе (с 2012 г.)³⁶. Кроме того, в Хельсинки с 2017 г. (когда Финляндия еще не была членом альянса) действует Европейский центр по противодействию гибридным угрозам, который имеют возможность использовать и Евросоюз, и НАТО [Зверев, 2021].

Меняющаяся реакция России и маневрирование НАТО

Россию даже в период максимальной готовности к интеграции в общее с Западом пространство безопасности не могло не беспокоить игнорирование ее интересов в результате одностороннего распространения на восток западных институтов при строительстве новой европейской архитектуры. Это беспокойство проявилось еще в период перестройки в СССР, когда после «бархатных революций»

³⁵ Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed: 23.02.2024).

³⁶ В разработке Стратегии энергетической безопасности стран НАТО новые члены альянса приобретают важную роль, особенно в контексте переориентации углеводородного рынка региона с поставок из России на поставки из других источников, в том числе сжиженного природного газа из США. Этим в первую очередь была обусловлена поддержка Вашингтоном «Инициативы трех морей» (Балто-Адриато-Черноморской инициативы), выдвинутой руководителями Польши и Хорватии в 2015 г. На саммите этого форума в 2017 г. президент США Д. Трамп выступил с программной речью, посвященной такой переориентации. См.: Farber M. Read Donald Trump's remarks at the Three Seas Initiative summit in Poland // Time. 06.07.2017. Available at: <http://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/> (accessed: 16.03.2024).

в восточноевропейских странах и начала процесса объединения Германии — фактически распространения на ГДР юрисдикции ФРГ и включения ее территории в НАТО — вопрос о расширении альянса на этот регион встал в практическую плоскость ввиду неизбежности роспуска ОВД (хотя официально она была распущена только 1 июля 1991 г.). Эту озабоченность унаследовала после распада СССР и Российская Федерация, у которой ввиду ее тяжелого социально-экономического положения в тот период было мало возможностей противостоять западной экспансии. Уже на саммите Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Будапеште в декабре 1994 г. президент РФ Б.Н. Ельцин говорил, что поиски Североатлантическим альянсом, который был создан в эпоху холодной войны, своего места в новом европейском порядке должны не создавать новые полосы размежевания, а приближать европейское единство. Однако этой логике, по словам российского лидера, противоречат планы расширения НАТО, а доводы, что приближение блока к границам РФ — это экспансия стабильности на случай нежелательного развития событий в России, означают недоверие к российской демократии³⁷.

Спустя два десятилетия после того, как был дан старт процессу непосредственного принятия в НАТО новых членов из числа бывших союзников СССР, его главные инициаторы и сторонники на Западе уже не скрывали, какими были основные побудительные мотивы для этого проекта. В частности, бывший командующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал У. Кларк отмечал, что «если бы НАТО не удалось осуществить расширение, то это бы еще раньше открыло путь усилиям России по восстановлению под своим контролем пространства бывшего Советского Союза и ее господства над Восточной Европой» [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 565].

Российской Федерации во всех проектах экспансии западных институтов (НАТО, ЕС), предполагавших их фактическую монополию на формулирование новой архитектуры безопасности в Европе, не находилось места как равноправному участнику. Запад готов был

³⁷ Выступление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в Будапеште на пленарном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), 5 декабря 1994 г. // Президентский центр Б.Н. Ельцина. Доступ: <https://yeltsin.ru/archive/audio/9035/?ysclid=lt4f2o38on27076803> (дата обращения: 27.02.2024).

предоставить ей в лучшем случае статус партнера по диалогу в различных форумах, выстраивавшихся вокруг этих институтов, но без перспектив вступления в них. Это прикрывалось заявлениями о том, что никто за пределами НАТО не имеет права вето на принимаемые организацией решения относительно включения новых членов или размещения войск и военной инфраструктуры на территориях новых стран-членов и что каждая страна сама может выбирать пути обеспечения своей безопасности, в том числе участие в оборонительных союзах, причем для государств постсоветского пространства (в первую очередь Украины) возможность членства в НАТО должна сохраняться. На это открыто указывали, в частности, бывший государственный секретарь США М. Олбрайт³⁸, бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский [Brzezinski, 1995: 35], бывший постоянный представитель США в НАТО, а затем посол США в РФ А. Вершбоу [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 430–431].

Сама же Россия, хотя и в 1990-е, и отчасти в 2000-е годы ставила целью интеграцию в общеевропейскую систему безопасности на основе партнерства с США и их европейскими союзниками, не могла не быть озабоченной тем, что НАТО, даже прикрываясь риторикой о приоритетности коллективной безопасности, не собирается отказываться от своих закрепленных в учредительных документах и военном планировании инструментов, в первую очередь ст. 5 Вашингтонского договора. Но по крайней мере для некоторых стран ЦВЕ (особенно Польши и прибалтийской «тройки») их вступление в НАТО, пусть и по умолчанию, означало прежде всего получение военно-политических гарантий на случай именно возрождения «реваншистских» замыслов Москвы.

Правда, страны НАТО делали ставку (и во многом небезуспешно) на то, что Россия сталкивается со слишком большим массивом вызовов и угроз помимо Запада (в первую очередь связанных с резкой возросшей активностью исламского фундаментализма), для отражения которого необходима координация действий с западным сообществом.

К тому же вызовы, которые даже в целом прозападно настроенная в тот период политическая элита РФ ощущала из-за стремления Запада воспользоваться результатами распада СССР и «восточного

³⁸ Олбрайт М. Указ. соч. С. 334.

блока», в 1990-е и отчасти в 2000-е годы удавалось смягчать благодаря созданию совместных с НАТО программ, советов и консультативных механизмов. Речь, в частности, идет о присоединении России к Совету евро-атлантического партнерства (СЕАП, до 1997 г. — Совет североатлантического сотрудничества), программе НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). Некоторые западные эксперты считают согласие России на участие в ПРМ и подписание в его рамках в мае 1995 г. индивидуальной программы партнерства едва ли не высшей точкой российско-западного диалога после холодной войны, ведь эта программа не устанавливала границы между странами, имеющими гарантии по ст. 5 Вашингтонского договора, и всеми остальными, и помогала максимально учесть озабоченности Москвы [Саротт, 2021].

Заметными шагами на пути строительства диалога Россия — НАТО, которые помогли хотя бы на время нивелировать отрицательные для РФ последствия расширения альянса, стали подписание в мае 1997 г. Основополагающего акта Россия — НАТО (в котором, в частности, стороны обязались воздерживаться от размещения у границ друг друга существенных боевых сил, а западный блок отказался от размещения ядерного оружия на территориях своих новых членов³⁹) и учреждение Совместного постоянного совета (СПС) Россия — НАТО, преобразованного в 2002 г. на волне российско-западного сближения после терактов в США 11 сентября 2001 г. в Совет Россия — НАТО. Последний предполагал, в отличие от первого, хотя бы на словах равноправное партнерство Москвы и всех стран альянса при координации подходов к различным проблемам безопасности и кризисным ситуациям.

Остроту взаимных противоречий на рубеже 1990–2000-х годов на некоторое время удалось смягчить после масштабных террористических атак на США ввиду необходимости совместных действий для отпора международному терроризму, когда и Россия, и коллективный Запад придерживались в то время схожей трактовки и близкого подхода к пониманию, откуда исходит эта угроза (радикальный исламизм). Москва тогда дала согласие на размеще-

³⁹ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.05.1997. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1748498/ (дата обращения: 26.02.2024).

ние военных объектов ряда стран — членов альянса в некоторых бывших республиках СССР в Центральной Азии при проведении НАТО операции в Афганистане. РФ даже свела к минимуму свое недовольство наиболее болезненным для нее элементом расширения НАТО — принятием в альянс Эстонии, Латвии и Литвы в конце марта 2004 г.⁴⁰

Однако добрая воля России не могла быть бесконечной. Смена государственного и политического руководства в РФ на рубеже XX–XXI вв., даже несмотря на первоначальное стремление нового президента В.В. Путина сблизиться с Западом на основе борьбы с общими угрозами (прежде всего международным терроризмом), постепенно усиливала антизападный вектор Москвы. «Стратегия расширения», избранная Вашингтоном и его союзниками в противовес «преобразовательной повестке дня», предложенной Россией, по мнению британского историка и политолога Р. Саквы, всё больше противоречила усилиям В.В. Путина, направленным на то, чтобы найти способ сочетания адаптации к доминированию Запада и самостоятельности, равно как и его нежеланию принять маргинализацию страны [Саква, 2020: 29].

Не безграничен был и ресурс российско-натовских совместных форумов, которые, хотя декларативно и были нацелены на создание организационных рамок для сотрудничества в ряде областей (главным образом военно-технического свойства и совместных учений), на деле были лишь механизмом снижения ущерба для России от расширения альянса. Е.М. Примаков, который в период подготовки основополагающего акта был министром иностран-

⁴⁰ В частности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров на пресс-конференции по итогам встречи министров иностранных дел Совета Россия–НАТО 2 апреля 2004 г. заявил: «Отношение к расширению [НАТО] у нас по-прежнему негативное. Но мы не делаем из этого трагедии. Убеждены, что это ошибка и что в современном мире, когда угрозы изменились и стали общими, обеспечивать безопасность можно и нужно другими, более эффективными методами. Принимаем факт расширения НАТО как данность, потому что в данный момент философия НАТО пока еще не изменилась. Понимаем значение НАТО в современной Европе, поэтому хотим сотрудничать с альянсом и со всеми его новыми членами...» Стенограмма пресс-конференции для российских и зарубежных СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам неформальной встречи министров иностранных дел Совета Россия–НАТО, Брюссель, 2 апреля 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.04.2004. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1708926/ (дата обращения: 04.02.2024).

ных дел РФ, отмечал (применительно к СПС) тенденцию превратить этот совет в «дискуссионный клуб», чем-то напоминающий «пикейных жилетов» из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», но в виде клуба Россию (и даже некоторых членов НАТО) СПС не устраивал⁴¹.

Даже в период, когда отношения России и НАТО характеризовались позитивными ожиданиями, некоторые видные российские эксперты считали, что Москва в данном вопросе будет преследовать две отнюдь не во всём гармонирующие цели. С одной стороны, «избегая лобового сопротивления расширению НАТО, замедлить или вовсе заблокировать те его аспекты, которые противоречат интересам РФ как в географическом плане (вступление Украины, Грузии, Азербайджана), так и в функциональном отношении (расширение военного присутствия и силовые акции на постсоветском пространстве помимо или вопреки позиции РФ)». С другой стороны, «не напрашиваясь на членство в союзе, через разнообразные каналы сотрудничества сделать фактическую роль России для трансформации и выполнения новых задач НАТО более значительной, чем у большинства “старых” и тем более “новых” членов» [Арбатов, 2006: 101]. Действительно, эту «особую роль» Москва стремилась играть в процессе сотрудничества с НАТО в реализации миссии Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане благодаря прежде всего транзиту вооружений и военной техники стран альянса через свою территорию, координации борьбы с наркотрафиком.

Последующая эволюция как российско-западного диалога, так и подходов коллективного Запада к интересам Москвы продемонстрировала, что совместные форумы РФ и НАТО использовались блоком в основном как прикрытие военно-политического «освоения» территорий и регионов, которые раньше входили в сферу российских интересов, а также для того, чтобы получить от России карт-бланш для выхода НАТО за пределы своей традиционной ответственности. По мнению, например, члена-корреспондента Академии военных наук А. Бартоша, «присутствие российских представителей в партнерских структурах альянса должно было способствовать формированию у недавних союзников по ОВД и стран-участниц СНГ впечатления о якобы достаточно спокойном

⁴¹ Примаков Е.М. Указ. соч. С. 301.

отношении России к перспективе расширения и подталкивать их к дальнейшим шагам по сближению с альянсом. Как показало будущее, с далеко идущими целями в число привилегированных партнеров НАТО была включена Украина» [Бартош, 2023: 140].

Наглядной демонстрацией, что достаточно абстрактный принцип «открытых дверей» НАТО способен приобретать вполне конкретное наполнение, после того как этим принципом воспользовались те или иные европейские страны, стали упомянутые ранее планы администрации Дж. Буша-мл. разместить в ряде этих государств, прежде всего в Польше и Чехии (с согласия их правительств), некоторые объекты в рамках проекта Третьего позиционного района ПРО США. Заявления российских руководителей в этой связи свидетельствовали о том, что для них окончательно перестала быть приемлемой трактовка расширения НАТО на восток с точки зрения «самоопределения» бывших союзников Москвы, а сам принцип «открытых дверей» способен перерасти для РФ в реальную военную угрозу. В частности, президент В.В. Путин на пресс-конференции в феврале 2008 г. заявил о том, что Россия будет вынуждена перенацелить часть своих ракетных систем на те объекты в Польше и Чехии, которые ей угрожают⁴².

Как считает в связи с этой и другими подобными проблемами чешский политолог О. Крейчи, «гарантией миролюбивой России является не ее демократичность, а разумный баланс интересов держав. <...> Кто сможет различить оборонительное и наступательное оружие или объяснить, как вести активную оборону без нападения? Мирное будущее Европы обеспечит не расширение НАТО до “восточного пояса неопределенности”, а лишь успешный диалог держав о безопасности, в том числе действующие договоры НАТО и России о создании новой, уравновешенной системы безопасности для обоих центров силы» [Крейчи, 2010: 371].

Речь президента В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г. означала, что Россия не намерена больше мириться с тем порядком, который продвигает Запад, пользуясь выгодами, полученными в результате распада биполярности. В этой речи российский лидер указал, что Запад злоупотребляет доброй волей Москвы и отказывается ратифицировать адаптированный

⁴² Ежегодная большая пресс-конференция // Президент России. 14.02.2008. Доступ: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24835 (дата обращения: 30.01.2024).

Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), пока Россия не выведет свои базы и контингенты из Грузии и Молдавии. Президент РФ также поставил перед западной стороной вопрос: против кого направлены расширение НАТО, создание в ряде новых стран-членов (Болгарии и Румынии) американских «легких передовых баз», в то время как Россия, строго выполняя ДОВСЕ, никак не реагирует на эти действия⁴³?

Наметившееся в период президентства Дж. Буша-мл. стремление США максимально использовать возникший «однополярный момент», готовность перейти ради этого те «красные линии», которые администрация У. Клинтона всё же не решалась открыто пересекать, обозначили тот рубеж, когда доктрина «открытых дверей» НАТО не могла больше сопровождаться лишь пассивными возражениями России. Очевидно, что беспрепятственная реализация этой доктрины для стран, желавших вступить в альянс, была возможна лишь при относительно мирной эволюции в сфере европейской безопасности и отсутствии реального сопротивления со стороны тех государств (прежде всего РФ), кого такая натовская политика непосредственно затрагивала. Это касается в том числе стран, которым альянс в предыдущие годы давал обещания, что они будут его членами: Украины и Грузии.

Уже в первой половине 2000-х годов, когда экспансия западных институтов на восток стала активно сопровождаться вмешательством Запада во внутривнутриполитические процессы в различных постсоветских странах вплоть до поощрения там государственных переворотов, Россия осознала, что это западное проникновение в сферу ее жизненно важных интересов представляет для нее открытый вызов и что на этот вызов невозможно закрывать глаза, даже если сотрудничество с НАТО и ЕС в каких-то вопросах по-прежнему необходимо. Нелегитимные смены правящих режимов в Грузии в 2003 г. и на Украине в 2004 г. ознаменовали собой серьезный геополитический сдвиг не в пользу России, за которым последовало открыто выраженное намерение США и их союзников вовлечь эти страны в свою сферу влияния, в том числе поощрять их интеграцию в НАТО.

⁴³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10.02.2007. Доступ: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 02.02.2024).

Переход России к немирным способам реагирования на неблагоприятные для нее геополитические процессы в ближайшем окружении ознаменовался «пятидневной войной» с Грузией в августе 2008 г. Хотя поводом для непосредственного военного вмешательства РФ стали попытки руководства Грузии во главе с президентом М. Саакашвили восстановить контроль над Южной Осетией, очевидно, что эта реакция Москвы имела и антинатовские мотивы. Американский историк М. Райс (Университет штата Огайо) считает, что действия России в отношении Тбилиси помогли на тот момент сорвать дальнейшее расширение НАТО, а сам альянс отложил планы своего распространения на Украину и Грузию, оставив открытой «дверь» для их включения когда-либо в будущем [Rice, 2016]. Даже такой видный идеолог и «архитектор» первых раундов расширения НАТО, как С. Лэррэби (корпорация РЭНД), признавал тогда, что продвижение альянса на бывшее советское пространство — это уже совсем другая ситуация, нежели прием Польши, Венгрии, Чехии, Румынии и прибалтийских стран, поскольку в отношении Грузии и Украины некоторые европейские союзники не готовы брать на себя новые оборонные обязательства⁴⁴.

Что касается украинской проблемы, то принципиальное изменение ее военно-политического контекста (с 2014 г. и особенно после начала Россией СВО в феврале 2022 г.) не могло не наложить еще более жестких ограничений на выполнение обещаний относительно вступления в альянс, которые были ранее даны Киеву и Тбилиси. Сама возможность того, что эти страны могут быть втянуты в недружественный России военно-политический блок, представляла для Москвы вызов качественно иного порядка в сравнении с ущербом от предыдущих волн расширения НАТО. Последствия «евромайдана» на Украине поставили вопрос о пересмотре Россией того геополитического статус-кво, который ей самой пришлось признать после распада СССР. В первую очередь это касалось Крыма, который страны НАТО в период его пребывания в составе Украины пытались вовлечь в свою военную активность (в частности, в проведение учений *Sea Breeze*). «Вступление Украины в НАТО явилось бы сокрушительным геополитическим поражением российской стороны, которое

⁴⁴ Russia's offensive in Georgia a signal to NATO to stay away from its 'space' // Council on Foreign Relations. 25.08.2008. Available at: <https://www.cfr.org/interview/russias-offensive-georgia-signal-nato-stay-away-its-space> (accessed: 01.03.2024).

могло привести к потере ее влияния в Северном Причерноморье, значительному снижению роли Черноморского флота Российской Федерации как фактора обеспечения национальной безопасности, размещению военной инфраструктуры враждебного военно-политического блока в непосредственной близости от российских границ, усилению внешнеполитического давления и потере престижа на международной арене» [Иванков, 2023: 70].

По мере приближения того рубежа, за которым для Москвы становилось неизбежным применение военных инструментов для предотвращения втягивания Украины в НАТО и военного «освоения» ее территории, между Россией и Североатлантическим альянсом активизировалось и историко-пропагандистское противостояние на тему обещаний западных лидеров не продвигать НАТО «ни на дюйм» на восток после распространения своей юрисдикции на бывшую ГДР. Эти обещания, по утверждению российской стороны, они давали президенту СССР М.С. Горбачёву в период переговоров, связанных с объединением Германии в начале 1990-х годов и урегулированием соответствующих международно-правовых вопросов⁴⁵ [Горохов, Васильев, 2022].

Особенно активизировалось это противостояние в связи с выдвижением руководством РФ в конце 2021 г. предложений в адрес США и НАТО по заключению договоров о безопасности⁴⁶. Следует,

⁴⁵ В частности, официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова в июне 2021 г. обнародовала соответствующие заверения государственного секретаря США Дж. Бейкера и министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера. См.: Захарова рассказала, где было закреплено обещание НАТО не расширяться // РИА Новости. 15.06.2021. Доступ: <https://ria.ru/20210615/obman-1737101938.html?ysclid=lvf45tmhep693374023> (дата обращения: 18.03.2024).

⁴⁶ В проекте соглашения между РФ и НАТО, в частности, содержались требования к НАТО исключить ее дальнейшее расширение путем присоединения Украины и других государств, отказаться от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии. Кроме того, было предложено, чтобы Российская Федерация и все государства — члены НАТО по состоянию на 27 мая 1997 г. (дата подписания основополагающего акта Россия–НАТО) не размещали свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на эту дату. См.: Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств — членов Организации Североатлантического договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.12.2021. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ (дата обращения: 12.02.2024).

например, отметить публикацию немецким журналом «Der Spiegel» в феврале 2022 г. статьи, в которой говорилось о найденном американским политологом Дж. Шифринзоном в Британском национальном архиве документе, касающемся встречи статс-секретарей глав дипломатических ведомств США, Великобритании, Франции и ФРГ в начале марта 1991 г. Из данного документа следовало, что эти западные государства в то время соглашались не предоставлять восточноевропейским странам членство в НАТО⁴⁷.

Сами же западные страны неизменно отвечают, что никаких соглашений на этот счет никогда не заключалось, что «двери» альянса неизменно открыты для новых членов с момента его основания в 1949 г., а идея расширения НАТО за пределы объединенной Германии не стояла на повестке дня в упомянутый период, поскольку ОВД всё еще существовала до 1991 г.⁴⁸ Со своей стороны Запад также демонстрирует рассекреченные документы, согласно которым президент РФ Б.Н. Ельцин еще в 1994 г. предположительно высказывал президенту США У. Клинтону идею, что Россия должна первой вступить в НАТО, прежде чем это сделают страны ЦВЕ, и это должно сопровождаться созданием «картеля», включающего США, РФ и европейские страны и способствующего укреплению международной безопасности⁴⁹.

Тем не менее решительные действия Москвы после начала украинского конфликта в 2014 г. стали стимулом для активизации дискуссий в западных СМИ и части экспертного сообщества о том, насколько сам проект расширения НАТО (в том числе на Украину) послужил провоцирующим фактором для этих действий, насколько возможно и целесообразно сохранять в альянсе неизменным прин-

⁴⁷ Wiegrefe K. Neuer Aktenfund von 1991 stützt russischen Vorwurf // Spiegel Ausland. 18.02.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/ausland/nato-osterweiterung-aktenfund-stuetzt-russische-version-a-1613d467-bd72-4f02-8e16-2cd6d3285295> (accessed: 19.02.2024).

⁴⁸ Setting the record straight. De-bunking Russian disinformation on NATO // North Atlantic Treaty Organization. 12.01.2024. Available at: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/115204.htm> (accessed: 12.02.2024).

⁴⁹ Соответствующие документы о государственном визите президента У. Клинтона в Россию (12–15 января 1994 г.) в январе 2024 г. опубликовала американская исследовательская организация «Архив национальной безопасности». См.: The Clinton-Yeltsin Moscow summit, January 1994 // National Security Archive. 25.01.2024. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2024-01-25/clinton-yeltsin-moscow-summit-january-1994> (accessed: 26.02.2024).

цип «открытых дверей» для тех немногочисленных стран Европы, которые еще остаются вне блока.

Фактически эти дискуссии оживились еще до того, как Россия начала СВО, и были приурочены к подготовке новой стратегической концепции НАТО, в которой должно было содержаться признание того, что прежний подход к обеспечению безопасности стран альянса, фиксирующий приоритетность принципа коллективной безопасности над принципом коллективной обороны, перестал работать и происходит возврат к геополитическому соперничеству великих держав⁵⁰.

С одной стороны, весь период после 2014 г. принцип «открытых дверей» неизменно подтверждается в декларациях саммитов НАТО, на встречах глав дипломатических и военных ведомств, в заявлениях большинства лидеров ведущих стран — членов блока и официальных лиц самого альянса. Это же касается большей части ориентирующихся на НАТО экспертных центров, особенно тех, которые базируются в ЦВЕ. После прихода Дж. Байдена в Белый дом, когда двусмысленность, связанная с политическими зигзагами предыдущей администрации Д. Трампа относительно НАТО и обязательств в отношении союзников, осталась в прошлом, выступления в защиту этого принципа активизировались. Готовность и дальше принимать в Североатлантический альянс новые страны рассматривалась сторонниками политики «открытых дверей» как один из ключевых факторов сплоченности членов блока на фоне готовившегося завершения его миссии в Афганистане, тем более что само это событие вылилось в незапланированное бегство в результате успешного наступления талибов и захвата ими Кабула в августе 2021 г.

Так, в докладе «Фонда наследия», приуроченном к Брюссельскому (2021) саммиту НАТО, говорилось о необходимости выстроить реа-

⁵⁰ Эта смена приоритетов НАТО была обозначена в принятой Мадридским (июль 2022 г.) саммитом альянса новой стратегической концепции, в которой, в частности, Российская Федерация провозглашается «наиболее значительной угрозой безопасности, миру и стабильности в Евро-Атлантическом регионе» и в качестве ключевого нововведения отмечается необходимость реагирования на «китайский вызов» (в том числе на углубление стратегического партнерства между РФ и КНР, которые подрывают прозападный «порядок, основанный на правилах»). См.: NATO 2022 Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 29.06.2022. Available at: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 06.02.2024).

листочные перспективы продвижения к членству для таких стран, как Грузия, Украина, Босния и Герцеговина, Косово (несмотря на его неурегулированный международный статус), не ограничиваясь лишь тиражированием обещаний об их принятии. Примечательно, что в этом докладе — еще до начала Россией СВО на Украине и до официальных заявок Швеции и Финляндии о вступлении в НАТО — отмечалась необходимость поощрять эти две северные страны к такому вступлению [Coffey, Kochis, 2021].

Недопустимость отхода от принципа «открытых дверей» или колебаний в его реализации, особенно после начала Россией крупномасштабных боевых действий на Украине, была подчеркнута в докладе находящегося в Братиславе аналитического центра GLOBSEC, который связан с НАТО и ориентирующимися на нее «фабриками мысли»⁵¹. В еще более решительной форме требование сохранять в силе (и не только на словах) данный элемент стратегии альянса содержится в докладе Парламентской ассамблеи НАТО, вышедшем в октябре 2023 г. под руководством депутата Сейма Литвы А. Ажубалиса. В этом документе, правда, повторяется уже ранее озвученная (в частности, генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом в ответ на требования президента Украины В. Зеленского предоставить Киеву «дорожную карту» вступления в альянс⁵²) позиция, что вопрос о приглашении Украины в блок может быть решен только тогда, когда для этого созреют соответствующие условия в плане безопасности (т.е. закончатся боевые действия), и предлагаются различные переходные варианты предоставления Киеву двусторонних или многосторонних гарантий безопасности, пока его полноправное членство в НАТО невозможно. Также выражается обеспокоенность тенденциями во внешней и внутренней политике Грузии, мешающими прогрессу в рамках совместных программ и структур НАТО⁵³.

⁵¹ NATO enlargement: The future of the open-door policy // GLOBSEC. 24.03.2023. Available at: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2023-05/NATO%20enlargementpaper-v2.pdf> (accessed: 15.03.2024).

⁵² Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the start of the 2023 NATO summit in Vilnius // North Atlantic Treaty Organization. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_217038.htm (accessed: 15.01.2024).

⁵³ Azubalis A. The future of NATO open door policy: Report // NATO Parliamentary Assembly. 07.10.2023. Available at: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2023-12/029%20PCNP%2023%20E%20rev.3%20fin%20-%20OPEN%20DOOR%20POLICY%20-%20AZUBALIS.pdf#:~:text=According%20to%20the%20>

С другой стороны, уже даже в относительно «сдержанный» период «украинского кризиса» (2014–2022), когда конфликт еще не вышел за пределы Донбасса, всё больше западных экспертов начали открыто указывать на растущий разрыв между официально декларируемыми НАТО обещаниями, что Грузия и Украина станут членами альянса, и реальной ситуацией, при которой выполнение подобных обещаний будет означать опасность вооруженного столкновения с Россией.

В частности, эксперт из Дикинсон-колледжа (США) Э. Вулф в 2015 г. признавал, что политика расширения НАТО создала препятствия для формирования устойчивого партнерства альянса с Россией и способствовала возникновению грузинского и украинского конфликтов. В свете этого, по мнению эксперта, при осуществлении дальнейшего расширения альянса необходимо снизить значимость внутривнутриполитических факторов и сосредоточиться на вкладе страны-кандидата в совокупный потенциал и безопасность НАТО. Это, считает Э. Вулф, даст приоритет странам Балкан и Скандинавского региона и открыто исключит Грузию и Украину из очереди на вступление в блок, что в конечном счете приведет к укреплению альянса и даст большую степень гибкости в отношениях с Россией [Wolff, 2015: 1103]. Схожие аргументы выдвинула американский политолог Э. Эшфорд. По ее мнению, в свете «российской агрессии» альянсу необходимо восстанавливать в качестве первоочередной задачу обеспечения коллективной обороны своих членов и вообще более четко формулировать свою миссию. Принцип же «открытых дверей» НАТО только вредит безопасности альянса, особенно если он реализуется путем принятия таких малых стран, как Черногория, чей вклад в совокупный военный потенциал блока крайне незначителен⁵⁴.

Обозреватель журнала «Newsweek» Д. Депетрис напомнил, что расширение только создало для НАТО дополнительные проблемы, ведь процесс принятия решений внутри альянса становится более громоздким, затрудняющим достижение консенсуса. Один из примеров этого — попытка Турции в 2019 г. блокировать план НАТО по

Study%2C%20NATO,over%20the%20military%20(NATO%2C%201995) (accessed: 15.01.2024).

⁵⁴ Ashford E. NATO's open door leads to an identity crisis // War on Rocks. 23.06.2016. Available at: <https://warontherocks.com/2016/06/natos-open-door-leads-to-an-identity-crisis/> (accessed: 14.02.2024).

защите прибалтийских государств и ее требования к альянсу пойти на уступки по проблематике, касающейся Сирии⁵⁵.

События, развернувшиеся в Европе и особенно вокруг Украины на рубеже 2021–2022 гг., заставили некоторых экспертов внутри НАТО признать, что периодически повторяемые, но не выполняемые альянсом обещания когда-либо принять в свои ряды Украину, Грузию, а также остающиеся за ее пределами страны Западных Балкан, грозят непоправимым подрывом доверия к блоку уже и в странах «традиционного» Запада, что такой «священный» механизм, как ст. 5 Вашингтонского договора, становится в этих условиях устаревшим, бесцельным и контрпродуктивным⁵⁶. Особенно болезненной эта проблема является в связи с необходимостью подкрепить массивную военную помощь, оказываемую странами НАТО Киеву в войне с Россией, конкретными шагами по выполнению данных ему обещаний о вступлении в альянс.

М. Киммидж (Католический университет Америки) писал, что слова о принятии в будущем Украины и Грузии в альянс были со стороны НАТО неискренними, а стремление Киева стать членом блока втянуло последний в самое взрывоопасное этнонационалистическое противостояние в регионе. «НАТО не в состоянии справиться с конфликтом между страной, желающей вступить в оборонительный альянс, но пока не являющейся его членом, и ядерной державой, стремящейся этого не допустить. Это конфликт, который НАТО может только проиграть и который может даже поставить под угрозу само существование альянса, если какая-либо страна-член, например Польша или Литва, будет втянута в войну между Россией и Украиной»⁵⁷.

Наконец, бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок чуть больше чем за неделю до начала Россией СВО напомнил, что еще в 1997 г., вы-

⁵⁵ DePetris D. NATO should end its open-door policy // Defense One. 29.11.2019. Available at: <https://www.defenseone.com/ideas/2019/11/nato-should-end-its-open-door-policy/161595/> (accessed: 14.02.2024).

⁵⁶ DePetris D. NATO should shut the door, but not because Russia said so // Defense News. 19.01.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2022/01/19/nato-should-shut-the-door-but-not-because-russia-said-so/> (accessed: 14.02/2024).

⁵⁷ Kimmage M. Time for NATO to close its door. The alliance is too big — and too provocative — for its own good // Foreign Affairs. 17.01.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2022-01-17/time-nato-close-its-door> (accessed: 12.02.2024).

ступая на заседании сенатского Комитета по иностранным делам, он назвал планировавшееся тогда расширение НАТО одним из самых тяжелых стратегических заблуждений после окончания холодной войны⁵⁸. Таким образом, наиболее дальновидные (пусть и отставные) фигуры на Западе, в том числе в США, открыто указывают на первопричину возникшего опасного кризиса — сам принцип «открытых дверей» и его проведение в жизнь без учета необходимости такой системы безопасности в Европе, которая включала бы Россию.

Следует, правда, отметить, что нарастание скептицизма на Западе относительно состоятельности принципа «открытых дверей» вызвано не только решимостью Москвы противостоять экспансии НАТО, но и усиливающимися в США тенденциями к тому, чтобы ставить под сомнение свои международные обязательства. Реальная опасность утраты альянсом своего предназначения, а вместе с ним и способности сохранять открытость по отношению к странам, желающим к нему присоединиться, возникла после прихода в Белый дом Д. Трампа в 2017 г., который (правда, до вступления в должность президента) называл НАТО «устаревшей организацией» и напрямую угрожал некоторым государствам отказом в защите в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора, если они будут выделять менее 2% ВВП на оборонные нужды⁵⁹. Нужно, однако, признать, что возможностей для реализации на практике подобных радикальных заявлений Д. Трампа с самого начала было ничтожно мало ввиду множества факторов — как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических.

Тем не менее сам «трампизм», в том числе когда речь идет об отношениях с ближайшими союзниками США, не является каким-то изолированным феноменом и тем более прихотью одного политика. Приход в Белый дом демократической администрации Дж. Байдена лишь в какой-то мере «заморозил» противоречия с союзниками (тем более что это было необходимо ради совместного отпора действиям России на украинском направлении).

Вопрос о необходимости дальнейшей поддержки Украины в условиях, когда она стала ареной военных действий, а вместе с этим

⁵⁸ Matlock J.F. I was there: NATO and the origins of the Ukraine crisis // Responsible Statecraft. 15.02.2022. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2022/02/15/the-origins-of-the-ukraine-crisis-and-how-conflict-can-be-avoided/> (accessed: 28.01.2024).

⁵⁹ Trump says NATO is obsolete but still 'very important to me' // Reuters. 16.01.2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN14Z0YP/> (accessed: 23.01.2024).

и о готовности сохранять «открытые двери» для ее вступления в НАТО напрямую связан с сохранением дееспособности альянса, престижа США в глазах союзников, а значит, и способности блока проецировать свое влияние вовне. Однако этот вопрос уже со старта кампании по выборам президента США в 2024 г. стал объектом ожесточенной межпартийной борьбы, тем более ввиду необходимости выстраивания баланса в распределении помощи Украине и Израилю после начала новой войны на Ближнем Востоке между Израилем и ХАМАС в октябре 2023 г. Среди европейских союзников Вашингтона, по мнению некоторых американских экспертов, утверждается мнение, что США становятся слабым звеном в трансатлантической цепи, во всяком случае в том, что касается «украинского вопроса»⁶⁰.

Идею принятия Киева в НАТО до сих пор усиленно лоббируют некоторые восточноевропейские союзники США по альянсу, при этом для него на Вильнюсском саммите НАТО даже был отменен этап ПДЧ⁶¹, тем не менее налицо (судя хотя бы по цитируемому ранее заявлению Й. Столтенберга на том же саммите) стремление оттянуть решение вопроса о членстве Украины по крайней мере до окончания боевых действий, прежде всего ввиду необходимости применения ст. 5 Вашингтонского договора и опасности втягивания НАТО в войну с Россией. Подобные сигналы Киеву о нежелании принимать воюющую страну в альянс вряд ли могли быть сделаны без учета позиции США как фактического лидера НАТО. Еще в апреле 2023 г., после встречи министров иностранных дел стран блока, газета «Financial Times» утверждала, что США, а также Германия и Венгрия сопротивляются выдвигаемому Польшей и прибалтийскими государствами предложению предоставить Украине «дорожную карту» по членству в НАТО, а это свидетельствует о разногласиях внутри Запада по вопросу о статусе Украины после окончания военных действий. Вашингтон также выступает против каких-либо конкретных планов вступления Киева в альянс и при-

⁶⁰ Fix L., Kimmage M. Will the West abandon Ukraine? Kyiv must prepare for a possible change of heart in America and Europe // Foreign Affairs. 12.09.2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/will-west-abandon-ukraine> (accessed: 13.02.2024).

⁶¹ Vilnius Summit Communiqué. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023 // North Atlantic Treaty Organization. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (accessed: 06.03.2024).

зывает союзников сосредоточиться на краткосрочной военной, финансовой и гуманитарной помощи Украине⁶².

Обеспокоенность тем, что после 2008 г. НАТО так и не продвинулась заметным образом в выполнении данных Украине и Грузии обещаний, была высказана, в частности, на слушаниях в Комитете по международным делам Сената США в конце января 2024 г., приуроченных к предстоящему 75-летию НАТО и саммиту альянса, который намечен в Вашингтоне в июле того же года. Например, об этом говорили сенатор Р. Менендес и бывший посол США в НАТО Д. Лют. Последний, в частности, выдвинул «нестандартный» вариант — предложить Киеву на Вашингтонском саммите начать переговоры о присоединении к НАТО параллельно с теми переговорами, которые с ним начал Евросоюз⁶³.

По мнению российского исследователя Ю. Богуславской (Санкт-Петербургский государственный университет), «в условиях, когда членство в Североатлантическом альянсе будет в обозримой перспективе недоступно для Украины, Грузии, Молдовы, Соединенным Штатам придется искать иные формы поощрения политических элит этих государств за приверженность евроатлантическому курсу. Не исключено, что такая политика США станет фактором нагнетания международной напряженности в Европе» [Богуславская, 2016: 102–103]. Данный тезис представляется обоснованным и после того, как российско-западная напряженность вступила в качественно новый этап после февраля 2022 г.

* * *

Принцип «открытых дверей» НАТО и его реализация на практике после исчерпания непосредственной задачи, ради которой Североатлантический альянс был создан, помогли превратить НАТО фактически в монопольную структуру безопасности в Европе, закрепили гегемонию США, позволили им стать бесспорным центром притяжения для экс-социалистических стран, возродили на новом историческом витке образ России как главной угрозы безопасности

⁶² Foy H., Felicia S. US opposes offering Ukraine a road map to NATO membership // Financial Times. 06.04.2023. Available at: <https://www.ft.com/content/c37ed22d-e0e4-4b03-972e-c56af8a36d2e> (accessed: 13.01.2024).

⁶³ Jeanne Shaheen leads Senate Foreign Relations Committee hearing on NATO // YouTube. 01.02.2024. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=2WNBNGiOkY> (accessed: 06.02.2024).

коллективного Запада. Наряду с этим создание внутри НАТО благодаря ее постоянному расширению на восток «критической массы» государств, отличающихся гипертрофированной ориентацией на Вашингтон, существенно помогает последнему нейтрализовывать автономистские амбиции в «старой» Европе.

Вместе с тем расширение НАТО, которое его сторонники видят как непрерывный процесс, происходило отнюдь не в обстоятельствах «конца истории», а в условиях, когда лидерству Запада, установившемуся после исчезновения главного противника, бросаются всё новые вызовы. Стремление России восстановить свой равноправный статус и нейтрализовать угрозы, которые несет ее интересам приближение НАТО к ее границам (особенно «освоение» альянсом Украины), выступает одним из главных подобных вызовов.

Итогом такого развития событий становится то, что практический результат политики «открытых дверей» НАТО после холодной войны оказывается далеко не таким, каким она замышлялась ее инициаторами. Во-первых, благодаря решимости России восстановить свои позиции в регионах, которые она считает зоной своих жизненно важных интересов, под вопросом оказывается способность альянса задействовать ст. 5 Вашингтонского договора, а на ней в первую очередь строится кредитоспособность НАТО среди новых стран-членов. Во-вторых, в условиях, когда возможности беспрепятственного расширения блока на восток в основном исчерпаны, внутри самого Запада (и даже в США) ослабевает политическая воля к тому, чтобы сохранять неприкосновенность самого принципа «открытых дверей». В-третьих, эффективность данной политики и доверие к ней падают из-за неудач и провалов НАТО за пределами «уставной» зоны ответственности альянса (прежде всего в Афганистане), а ведь расширение блока внутри евро-атлантического пространства и глобализация миссии НАТО изначально мыслились лидерами Запада как неразрывные компоненты одного проекта.

В условиях, когда для отражения многих из новых вызовов и угроз механическое распространение традиционных инструментов НАТО на новые территории становится всё менее эффективным, коллективный Запад (в первую очередь США), как представляется, будет делать всё большую ставку на выстраивание цепи взаимосвязанных и координирующих усилия друг с другом военно-политических альянсов, «коалиций желающих» и консультативных механизмов в разных регионах мира. Эта вероятная смена при-

оритетов Вашингтона в его политике союзов и коалиций (наряду с традиционным вызовом, представляемым НАТО и ее экспансией в Европе) должна приниматься в расчет Россией в формулировании приоритетов ее безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврейски Н. САЩ и Европа. Европейската политика на Вашингтон. Велико Търново: Фабер, 2013. (На болг. яз.)
2. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2006. № 2. С. 94–103. DOI: 10.30570/2078-5089-2006-41-2-94-103.
3. Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 3. С. 153–179. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179.
4. Барановский В.Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика. М.: Весь мир, 2021.
5. Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике. М.: Горячая линия — Телеком, 2023.
6. Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: эволюция взаимоотношений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 1. С. 3–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-3-31.
7. Богуславская Ю.К. «Возвращение к основам»? НАТО и Россия в новой стратегической обстановке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 93–108. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.308.
8. Глинский-Васильев Д.Ю. Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д.В. Тренина. М.: S&P, 2000. С. 101–131.
9. Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 30–40.
10. Гришин Я.Я. Американские базы в Восточной Европе // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 3. С. 191–201.
11. Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности НАТО // США и Европа. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков / Отв. ред. А.И. Уткин. М.: Наука, 2000. С. 107–127.

12. Данилов Д.А. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran20221623.

13. Зверев Ю. Центры информационно-гибридной войны НАТО и ЕС в Прибалтике и Финляндии // Евразия.Эксперт. 11.10.2021. Доступ: <https://eurasia.expert/tsentry-informatsionno-gibridnoy-voyny-nato-v-pribaltike-i-finlyandii/> (дата обращения: 21.02.2024).

14. Иванков К.В. Российско-украинские отношения в 2014–2022 гг.: основные геополитические измерения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. Т. 1. № 1. С. 66–80. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80.

15. Крейчи О. Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы. М.: Научная книга; Прага: Ottovo Nakladatelství, 2010.

16. Кризисная геополитика и Россия / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Дашков и К°, 2024.

17. Михайлов В.А., Воловиков А.Г. Расширение НАТО с позиции представителей политического реализма // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 7 (181). С. 59–68.

18. Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Весь мир, 2020.

19. Саротт М.Э. Сдерживание после холодной войны. Как Вашингтон потерял постсоветский мир // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 6. С. 44–60. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-44-60.

20. Троицкий М.А. Трансатлантический союз: модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М., 2004.

21. Штоль В.В. НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель. 2015. № 11 (310). С. 21–35.

22. Art R.J. Creating a disaster: NATO's open doors policy // Political Science Quarterly. 1998. Vol. 113. No. 3. P. 383–403. DOI: 10.2307/2658073.

23. Asmus R.D. Opening NATO's doors: How the alliance remade itself for a new era. N.Y.: Columbia University, 2002.

24. Brzezinski Z. An agenda for NATO: Toward a global security web // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. No. 5. P. 2–20.

25. Brzezinski Z. A plan for Europe // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 1. P. 26–42. DOI: 10.2307/20047017.

26. Coffey L., Kochis D. The U.S. must defend NATO's open-door policy at the 2021 Brussels summit // The Heritage Foundation. 10.06.2021. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6084.pdf> (accessed: 15.03.2024).

27. Conklin M.E. U.S. decision making and post-Cold War NATO enlargement. PhD Thesis. Monterey: Naval Postgraduate School, 2015.

28. Daalder I., Goldgeier J. *Global NATO // Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 5. P. 105–113.

29. Goldgeier J.M. *Not whether but when: The U.S. decision to enlarge NATO*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999.

30. Larrabee S.F. *The United States and the European security and defense policy: Old fears and new approaches // Strategic yearbook 2006. European security and defense policy: A European challenge*. Santa Monica: RAND Corporation, 2006. P. 171–185.

31. *Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War / Ed. by D. Hamilton, K. Spohr*. Washington, D.C.: Foreign Policy Institute / Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Johns Hopkins University SAIS, 2019.

32. Rice M.J. *NATO's new order: The alliance after the Cold War // Origins: Current events in historical perspective*. March 2016. Available at: https://origins.osu.edu/article/natos-new-order-alliance-after-cold-war?language_content_entity=en (accessed: 11.01.2024).

33. Sarotte M.E. *Not one inch. America, Russia, and the making of post-Cold War stalemate*. New Haven: Yale University Press, 2021.

34. Waltz K. *NATO expansion: A realist's view // Contemporary Security Policy*. 2000. Vol. 21. No. 2. P. 23–38. DOI: 10.1080/13523260008404253.

35. Wolff A.T. *The future of NATO enlargement after the Ukraine crisis // International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 5. P. 1103–1121. DOI: 10.1111/1468-2346.12400.

36. Yost D.S. *NATO transformed: The alliance's new roles in international security*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1998.

37. Zhang H. *The nature of NATO expansion — A realist view // Taihe Institute*. 04.08.2022. Available at: www.taiheglobal.org/Content/2022/08-04/1720367064.html (accessed: 24.02.2024).

REFERENCES

1. Avreiski N. 2013. *SASHch i Evropa. Evropeiskata politika na Vashington* [USA and Europe. Washington's European policy]. Veliko T'rnovo, Faber Publ. (In Bulg.)

2. Arbatov A.G. 2006. *Rasshirenie NATO i natsional'nye interesy Rossii* [NATO enlargement and Russia's national interests]. *Politiya*, no. 2, pp. 94–103. DOI: 10.30570/2078-5089-2006-41-2-94-103. (In Russ.)

3. Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. 2023. *Treshchiny i razlomy: vneshnepoliticheskie orientiry zapadnobalkanskikh stolits v usloviyakh ukrainskogo krizisa* [Cracks and fault lines: Foreign policy orientations of Western Balkan capitals in the context of the Ukrainian crisis]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 16, no. 3, pp. 153–179. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179. (In Russ.)

4. Baranovskii V.G. 2021. *Mezhdunarodnyi landshaft: epokha peremen. Izbrannaya analitika* [The international landscape: An era of change. Selected analytics]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

5. Bartosh A.A. 2023. *NATO v sovremennoi mirovoi politike* [NATO in modern world politics]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom Publ. (In Russ.)

6. Batyuk V.I. 2020. NATO i Rossiiskaya Federatsiya: evolyutsiya vzaimootnoshenii [The evolution of the NATO–Russia relations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 3–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-3-31. (In Russ.)

7. Boguslavskaya Yu.K. 2016. ‘Vozvrashchenie k osnovam’? NATO i Rossiya v novoi strategicheskoi obstanovke [‘Back to basics’? NATO and Russia in new strategic environment]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 3, pp. 93–108. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.308. (In Russ.)

8. Glinskii-Vasil'ev D.Yu. 2000. Rasshirenie NATO na vostok kak problema rossiiskoi i evropeiskoi bezopasnosti [NATO's eastward enlargement as a Russian and European security problem]. In: Trenin D.V. (ed.). *Rossiya i osnovnyye instituty bezopasnosti v Evrope: vstupaya v XXI vek* [Russia and the main security institutions in Europe: Entering the 21st century]. Moscow, S&P Publ., pp. 101–131. (In Russ.)

9. Gorokhov A., Vasil'ev K. 2022. Dogovorennosti o nerasshirenii NATO na vostok podtverzhdayutsya arkhivnymi istochnikami [Agreements on non-enlargement of NATO to the east are confirmed by archival sources]. *Russian Political Science*, no. 1 (22), pp. 30–40. (In Russ.)

10. Grishin Ya.Ya. 2007. Amerikanskie bazy v Vostochnoi Evrope [American bases in Eastern Europe]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 149, no. 3, pp. 191–201. (In Russ.)

11. Davydov Yu.P. 2000. Rasshirenie zony otvetstvennosti NATO [Expansion of NATO's purview]. In: Utkin A.I. (ed.). *SShA i Evropa. Perspektivy vzaimootnoshenii na rubezhe vekov* [USA and Europe. Prospects for relations at the turn of the century]. Moscow, Nauka Publ., pp. 107–127. (In Russ.)

12. Danilov D.A. 2022. Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverei NATO [Finland and Sweden on the threshold of NATO's open door]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 2 (26), pp. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623. (In Russ.)

13. Zverev Yu. 2021. Tsentry informatsionno-gibridnoi voiny NATO i ES v Pribaltike i Finlyandii [NATO and EU centers of information and hybrid warfare in the Baltic states and Finland]. *Evraziya.Ekspert*. Available at: <https://eurasia.expert/tsentry-informatsionno-gibridnoy-voyny-nato-v-pribaltike-i-finlyandii/> (accessed: 21.02.2024). (In Russ.)

14. Ivankov K.V. 2023. Rossiisko-ukrainskie otnosheniya v 2014–2022 gg.: osnovnye geopoliticheskie izmereniya [Russian-Ukrainian relations in 2014–2022: The main geopolitical dimensions]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political*

Science, vol. 1, no. 1, pp. 66–80. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80. (In Russ.)

15. Krejčí O. 2005. *Geopolitics of the Central European region: The view from Prague and Bratislava*. Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences 'Veda' [Russ. ed.: Kreiči O. 2010. Geopolitika Tsentral'noi Evropy. Vzgl'yad iz Pragi i Bratislavy. Moscow, Nauchnaya kniga Publ.; Praga, Ottovo Nakladatelství Publ.].

16. Neimark M.A. (ed.). 2024. *Krizisnaya geopolitika i Rossiya* [Crisis geopolitics and Russia]. Moscow, Dashkov i K° Publ. (In Russ.)

17. Mikhailov V.A., Volovikov A.G. 2023. Rasshirenie NATO s pozitsii predstavitelei politicheskogo realizma [NATO enlargement from the position of representatives of political realism]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 7 (181), pp. 59–68. (In Russ.)

18. Sakva R. 2017. *Russia against the rest: The post-Cold War crisis of world order*. Cambridge, Cambridge University Press [Russ. ed.: Sakva R. 2020. Rossiya protiv ostal'nykh. Krizis mirovogo poryadka posle okonchaniya kholodnoi voyny. Moscow, Ves' mir Publ.].

19. Sarotte M.E. 2021. Sderzhivanie posle kholodnoi voyny. Kak Vashington poteryal postsovetskii mir [Post-Cold War deterrence: How Washington lost the post-Soviet world]. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 6, pp. 44–60. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-44-60. (In Russ.)

20. Troitskii M.A. 2004. *Transatlanticheskii soyuz: modernizatsiya sistemy amerikano-evropeiskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti* [Transatlantic alliance: Modernization of the US-European partnership system after bipolarity]. Moscow. (In Russ.)

21. Shtol' V.V. 2015. NATO: ot regional'nogo bloka k global'nomu dominirovaniyu [NATO: From a regional bloc to global dominance]. *Observer*, no. 11 (310), pp. 21–35. (In Russ.)

22. Art R.J. 1998. Creating a disaster: NATO's open doors policy. *Political Science Quarterly*, vol. 113, no. 3, pp. 383–403. DOI: 10.2307/2658073.

23. Asmus R.D. 2002. *Opening NATO's doors: How the alliance remade itself for a new era*. N.Y., Columbia University.

24. Brzezinski Z. 2009. An agenda for NATO: Toward a global security web. *Foreign Affairs*, vol. 88, no. 5, pp. 2–20.

25. Brzezinski Z. 1995. A plan for Europe. *Foreign Affairs*, vol. 74, no. 1, pp. 26–42. DOI: 10.2307/20047017.

26. Coffey L., Kochis D. 2021. The U.S. must defend NATO's open-door policy at the 2021 Brussels summit. *The Heritage Foundation*. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6084.pdf> (accessed: 15.03.2024).

27. Conklin M.E. 2015. *U.S. Decision making and post-Cold War NATO enlargement*. PhD Thesis. Monterey, Naval Postgraduate School.

28. Daalder I., Goldgeier J. 2006. Global NATO. *Foreign Affairs*, vol. 85, no. 5, pp. 105–113.

29. Goldgeier J.M. 1999. *Not whether but when: The U.S. decision to enlarge NATO*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.

30. Larrabee S.F. 2006. The United States and the European security and defense policy: Old fears and new approaches. In: *Strategic yearbook 2006. European security and defence policy: A European challenge*. Santa Monica, RAND Corporation, pp. 171–185.

31. Hamilton D., Spohr K. (eds.). 2019. *Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War*. Washington, D.C., Foreign Policy Institute / Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Johns Hopkins University SAIS.

32. Rice M.J. 2016. NATO's new order: The alliance after the Cold War. *Origins: Current Events in Historical Perspective*. Available at: https://origins.osu.edu/article/natos-new-order-alliance-after-cold-war?language_content_entity=en (accessed: 11.01.2024).

33. Sarotte M.E. 2021. *Not one inch. America, Russia, and the making of post-Cold War stalemate*. New Haven, Yale University Press.

34. Waltz K. 2000. NATO expansion: A realist's view. *Contemporary Security Policy*, vol. 21, no. 2, pp. 23–38. DOI: 10.1080/13523260008404253.

35. Wolff A.T. 2015. The future of NATO enlargement after the Ukraine crisis. *International Affairs*, vol. 91, no. 5, pp. 1103–1121. DOI: 10.1111/1468-2346.12400.

36. Yost D.S. 1998. *NATO transformed: The alliance's new roles in international security*. Washington, D.C., United States Institute of Peace Press.

37. Zhang H. 2022. The nature of NATO expansion — A realist view. *Taihe Institute*. Available at: www.taiheglobal.org/Content/2022/08-04/1720367064.html (accessed: 24.02.2024).

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 21.06.2024

The paper was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 21.06.2024